

ДЫХАНИЕ

осени

НАТАЛЬЯ
РУЧЕЙ

Наталья Ручей

Дыхание осени

«Автор»

2019

Ручей Н.

Дыхание осени / Н. Ручей — «Автор», 2019

ISBN 978-5-17-109619-9

Если бы кто-нибудь спросил меня, чего не стоит делать провинциалке в большом городе, я бы ответила, что ей не стоит перебирать с коктейлями, заключать пари с сомнительными подругами и выходить замуж за первого встречного миллионера. Ну и, пожалуй, не стоит надеяться, что бездонная пасть мегаполиса окажется снисходительной и вместо оскала подарит улыбку. Тот, кого я любила, почти меня уничтожил, а потом предложил перемирие. Хм, боюсь, что снова не оправдаю его надежд. Но даже если проиграю ему, что ж... один раз я уже умирала под дождливое дыхание осени...

ISBN 978-5-17-109619-9

© Ручей Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Пролог	5
Глава № 1	6
Глава № 2	14
Глава № 3	21
Глава № 4	28
Глава № 5	34
Глава № 6	41
Глава № 7	48
Глава № 8	55
Глава № 9	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Наталья Ручей

Дыхание осени

Пролог

Если бы кто-нибудь спросил меня, чего не стоит делать провинциалке в большом городе, я бы ответила, что не стоит перебирать с коктейлями, заключать пари с сомнительными подружками и выходить замуж за первого встречного миллионера.

Ну и пожалуй, не стоит приезжать в большой город, надеясь, что его бездонная пасть не позарится на твой суповой набор. В расход идут и толстые, и просто пухлые и непозволительно тощие самонадеянные глупышки вроде меня. Аппетит у монстра-мегаполиса огромный, вкус непритязательный, а звук, с которым он выплевывает блюдо, переваренное механическим брюхом – раскатистый. До глубинки, в которую не тянет возвращаться, точно волна дойдет, а потом носи за плечами не только торбу с разрушенными надеждами, но и плащ из пересудов, хвост из сплетен и вуаль из домыслов.

Малопривлекательное зрелище, особенно, если плащ постоянно удлиняется, хвост растет, вуаль густеет, а ты "делаешь лицо" и целуешь смачно на глазах у провинциальной толпы охранника своего мужа-миллионера. Почти бывшего мужа, но даже после грядущего раздела имущества, все еще миллионера. Будь моя воля, я бы оставила его только в оранжевых трусах-боксерах, на улице, в мороз. Как он меня. Ну почти. Я более жалостлива. Мой муж убил в моем чреве ни в чем неповинного ребенка, вырвал у меня клочок волос, пока тащил по бесконечным коридорам своего особняка и бросил за воротами, голой, абсолютно, истекающей и харкающей кровью.

Он желал моей смерти, а я снова не оправдала его надежд. И мой красивый, непозволительно богатый муж смирился и пошел на мировую. Он смирился. А я? Печалька, но я очень мстительна. Провинциальный комплекс, пожалуй.

Боюсь, что снова не оправдаю его надежд.

И даже если проиграю ему, что ж...

Один раз я уже умирала под дождливое дыхание осени.

Глава № 1

Он смотрит на меня тоскливо, как приبلудный пес, и я, повинаясь инстинктам, прикасаюсь к его лицу. Однодневная щетина приятно колет мою ладонь, и я машинально думаю, какие ощущения возникнут, когда его лицо окажется между моих ног. Приятно? Не очень? Щекотно? Или никак?

С Макаром мы любовники два или три месяца, – надо уточнить у него, – а нормального секса еще не было. Был его секс со мной, спящей. Были мои оргазмы с ним, во сне. А как будет в сознании, с моего согласия, по моей инициативе? Я не знаю и немного трушу, что не рискну. Он не догадывается о моих терзаниях и не знает, подпущу ли к себе вообще?

Но это случится.

Сегодня.

Возможно, прямо сейчас.

– Как тебе? – словно почувствовав, Макар делает шаг в сторону. – Это на первое время, потом найду что-нибудь лучше.

Шанс отступить: удерживать силой не станет, по крайней мере, пока я не сплю. Но я не привыкла пятиться, и бегло осмотрев зал с королевским диваном по центру, снова перевожу взгляд на Макара, снова рукой прикасаюсь к его щеке. Он вздрагивает, а я откровенно дрожу.

– Лучше не надо, – отмахиваюсь. – Пока сойдет, а после куплю себе дом.

Прячет взгляд. Да, он знает, в моем доме его не будет. Пока он мне нужен, моим планам, амбициям, моей мести и моему телу, но это пока.

– Голодна?

– Нет, еще не проснулась.

– Чай?

– Нет, не чай.

– Кофе?

– Да, хочу.

Усмешка в зеленых глазах. Макар уходит на кухню, а я смотрю из окна на пустынный в такую рань город, вижу в стекле бледное отражение, и не верю, что это я. Жива. Строю планы, как переспать с мужчиной, вместо того, чтобы лежать по тихому в могиле, гнить, разлагаться, как хотел этого муж. Представляю, как его перекосило, когда узнал, что я выкарабкалась, и как безуспешно были бомондовские сводни, подсылающие к нему в постель своих зарубежных дочек. Скольких успел отыметь, пока я валялась в реанимации практически в статусе трупа?

Мой первый любовник.

Но, как оказалось, не лучший.

– Идешь? – Голос Макара и запах кофе манят на кухню.

Не люблю красный цвет, режет глаза, но здесь мне почему-то уютно: шкафчики, холодильник, барная стойка, выдвижной маленький стол матово-однотонны. Макар смотрится хозяином, я – его гостьей, возможно, потому, что я бледная, а он в тон? Красный свитер под горло, черные брюки, глаза с лопнувшими сосудами. Нелегко ему было разрываться между мной и работой, но сегодня у него выходной; у меня – целый день вне больничных стен.

Праздник.

– Шампанское есть? – поддаюсь порыву.

Чашка с кофе стынет под взглядом Макара, я растягиваю губы в улыбке. Мойка. Два шага к холодильнику, два бокала, всплеск... Ощущение, будто в иллюзорном мире, а вокруг киносьемка. В главной роли я? Или он? И когда кульминационная сцена?

– За тебя, – предлагает тост.

– За нас, – поправляю и сбиваю его растерянность: – Нам многое предстоит сделать вместе.

Его бокал отправляется в мойку, следом за чашкой, нетронутым.

– Не связывайся с ним, он тебе не по силам.

Не связываться с ним? Поздно. Раньше, если бы кто-то предупредил меня раньше, до свадьбы, а лучше до того, как я познакомилась с Яром...

Почти полгода прошло, а такое ощущение, что вчера, и я стою перед ним и его приятелем, усмехаюсь нагло от избытка вкусных коктейлей, и предлагаю:

– Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба?

В голове приятно шумит от выпитого, негромкой клубной музыки, адреналина и цепкого взгляда темных глаз. В кабинке бара такие высокие спинки, что посетителям не видно ни меня, ни тех, что заключили пари. Собственно, о пари никто, кроме меня и подруги не знает. Мы просто оказались за соседним столиком, у меня просто хороший слух, а эти двое мужчин просто ожесточенно спорили. Один из них считал, что мало шансов встретить девственницу старше шестнадцати, почти нереально, если ей восемнадцать и не бывает таких, которым бы перевалило за двадцать. Тем более, если девушка с высшим образованием, потому что институт – кузница шлюх.

Второй, посмеиваясь, сказал, что если бы встретил такую, что и не малолетка, и с высшим образованием, и девственница – невзирая на внешность найденыша, затащил ее в загс.

– Не верю, что ты согласишься жениться, – усомнился первый, и я, слыша их диалог, мысленно согласилась.

– Почему нет? Другой вопрос, что таких не бывает.

– Ну да, а если бы...

– Хоть сейчас.

– И тебя не заденет, что ей нужны только твои деньги?

– Тебе тоже нужны мои деньги, и что? С тобой я даже не сплю.

Лариса услышала мой смешок и теперь от нее невозможно отвертеться. Пересказываю мужской разговор, она сбегает под предлогом проветриться в дамской комнате. Дефилирует, осматривается у барной стойки, возвращается с бесплатными коктейлями лично от бармена и новостями.

– Тот, что спиной к тебе, очень хорош. Светлые волосы, глаз не видно – только что выразительные. Не франт, но такой весь из себя... при деньгах, в общем. Второй темноволосый, худой, намного красивей. Какой из них хотел на девственнице жениться? Он?

Ее глаза недовольно сужаются, имитируя ревность, и я едва сдерживаю смех. Я придумываю сказки и записываю в тетрадь, Лариса придумывает и живет ими в реальности.

– Тот, что спиной ко мне, – успокаиваю ее взбунтовавшие чувства.

– Фух, – она принимается за коктейль. Допивает, еще раз прохаживается в дамскую комнату, возвращается с таким загадочным видом, что в пору спастись. – А знаешь...

Жаль оставлять коктейль, но лучше сбежать до того, как Лариса втянет меня в очередную авантюру. Она мастер по неприятностям, а у меня еще гудят ноги от кросса на каблуках по булыжной мостовой и в ушах до сих пор звон разбитой витрины и ментовских сирен. Вчера был внезапный протест против буржуев, потому что приличному человеку никогда не собрать на такую шубу, а что будет сегодня, мне знать не хочется.

– Нет, постой! Это же шедеврально! – Лариса хватая меня за руку. – Злата, только представь! Ты! Замужем! За богачом!

Представляю. Не впечатляет.

– И ты в шуубе! – тянет с восхищением подруга, ее глаза загораются, будто она уже видит меня в мехах, и как я по-царски сбрасываю их и передариваю ей. Впечатляет еще меньше.

– Пока.

Лариса догоняет меня почти у выхода.

– Злата! – трясет за плечи, по глазам вижу, не верит, что ухожу. – Тебе что, совсем наплевать на деньги?! Такой шанс, дуура! Два мужика навеселе, всерьез поспорили, такие словами на ветер не бросаются, раз сказал, что женится, значит, женится, а ты...

– Предложи им себя!

– А что я предложу им вместо твоей девственности?!

Она почти кричит мне в ухо, но я счастлива, что если и оглохну, то в одиночестве. Не хотелось бы разделить эту участь с другими посетителями бара. Что они подумают, узнав, что я девственница? Правильно, что со мной что-то не так. Лариса не отвяжется, а мне надоело торчать у всех на виду, в дверях. Кажется, все прислушиваются к маленькой тайне, которую громко шепчет подруга.

– Чего ты от меня хочешь?

– Чтобы ты перестала быть дурой! – Отпускает мою руку, кивает в сторону, где сидят те двое. – Спорим, что это не развод? Ты ведь не веришь, да? Спорим, что они говорили всерьез?

– Да, не верю, но какой мне смысл спорить?

– А главный приз – свадьба с богачом тебя не прельщает? Ах, да, ты же не веришь... Хорошо. Если все это развод, и они дадут тебе от ворот поворот, ты три месяца не платишь за квартиру. Ну как?

Серьезная экономия и весомый аргумент. Квартплата съедает большую часть заработка, несмотря на то, что Лариса берет с меня по-Божески. За три месяца я могла бы собрать на пальто, но вслух этого не говорю, не хочется в очередной раз услышать, что я дура, и думаю о пальто, когда могу выйти замуж и ходить в шуубе.

– Думаешь, я не подойду?

– Думаю, что ты провинциальная и закомплексованная клуша.

– Как и ты! – вспыхиваю и под насмешливым взглядом подруги марширую к столику двух разболтавшихся незнакомцев. Злюсь на них, на себя, на бамбуковые заросли, за которыми их не видно. А если это правда, и один из них согласится на мне жениться?

Спотыкаюсь, чудом не падаю, слышу смешок Ларисы, – идет следом, – но не оглядываюсь. Три месяца без квартплаты... Три месяца без квартплаты... Моя новая мантра...

Мужчины при моем появлении замолкают. Перевожу взгляд на того, что с пшеничными волосами: хорош, черт! Волна жара, идущая от него, бьет по коленным чашечкам. Хватаюсь за стол, копирую Ларискину наглую улыбку и выдавливаю из пересохшего горла... хрип. Глоток из чужого бокала, решаюсь и, боясь, что взбунтуются коктейли и только что опробованный коньяк, выпаливаю на одном дыхании:

– Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба?

Лариса притихла за соседним столиком. Мужчины смотрят на меня как на сумасшедшую и молчат, а я повторяю мысленно свою мантру: три месяца без квартплаты, три месяца без квартплаты...

– Расцениваю как отказ, – облегченно улыбаюсь, машу разочарованной подруге рукой и иду к выходу. Июньский ночной ветер успокаивает разгоряченную кожу. Не верится, что я смогла устоять на ногах после бреда, который несла и после взгляда этого незнакомца.

Приваливаюсь к стенке бара, у входа.

Пшеничные волосы и темные глаза – как-то неправильно... Прикоснись он ко мне – я бы упала в обморок. И что говорить о свадьбе?

Смеюсь.

Хорошо, что он отказал мне. И вдруг слышу вкрадчивый мужской голос, совсем рядом, у левого уха:

– И куда так спешить? Мой врач и загсы не работают за полночь.

Нервная дрожь проходит, мне становится интересно, как далеко готов зайти незнакомец? Как далеко готова зайти я? Если не врет и согласен жениться, согласна ли я? Повернув голову, встречаюсь с ним взглядом, и тут же ускользаю прочь, к пшеничным волосам, которые при фонарном свете кажутся почти каштановыми, к расстегнутому вороту синей рубахи, к закатанным рукавам и длинным пальцам, которые медленно тянутся к моим локонам. Накручивают спиралью, отпускают. Вспыхиваю, когда взгляды встречаются снова и радуюсь, что он не заметит моего смущения.

Его пальцы исследуют мое лицо, спускаются к шее – мой пульс замирает и ускоряется в бешеной гонке. Губы его складываются в довольную улыбку, наверное, ему нравится то, что он видит. Не то, чтобы мне было важно, просто... почему-то приятно. Впервые мне хочется нравиться мужчине, впервые мне его хочется.

Удержаться, взять, отдаться...

Не внешность, вернее, не только внешность притягивает, как магнитом. Есть что-то магнетическое в нем самом. Пульсирующая сила, аура власти, богатства. Не деньги – нет, что мне с его денег? Он на меня их не тратит. А именно притяжение человека, который их себе подчиняет. Я раньше не встречала таких – в глубинке, где я выросла, таких не бывает. А, может, он один такой. Я не знаю. Не хочу знать. Он здесь, рядом, прикасается ко мне, и я тоже к нему прикасаюсь.

Хочу...

Наваждение...

Исследую его лицо нервными пальцами, он ласкает ладонью мое. Его больше интересуют мои глаза, меня – его губы. Обвожу пальцем по контуру, неожиданно проскальзываю в жаркую влажность и льну к нему, отодвигаюсь от прохладных камней стенки.

Улыбка незнакомца становится шире, одно быстрое движение и я снова чувствую за спиной прохладу, а перед собой жар. Мой палец отпускают на волю, а губы берут в плен, и я подаюсь вперед, делая выбор в сторону жара. Руки самовольно запутываются в пшеничных волосах, дыхание сбивается, иногда вырываясь с предательским стоном. Я хочу его. Здесь. Сейчас. Все равно...

Но он отстраняется. Смотрит дико, будто хочет того же, что я, или... ударить. Не понимаю его, а хочу не меньше, чем секунду назад. Но не могу просить, не могу унижаться. Дыхание восстанавливается, мысли и взор, несмотря на коктейли, избавляются от мутного наваждения. Моя рука соскальзывает с его плеча – свободен, иди, не держу тебя.

– Решил проверить на совместимость? – услышав голос за спиной незнакомца, понимаю, почему он оборвал поцелуй. Отворачиваюсь, чтобы его приятель не видел моих глаз, губ; хочу сбежать, но сильные руки прижимают к себе.

– Это уже не твое дело.

– Ну да, конечно, но по ходу, тебе досталась горячая цыпочка на ночь благодаря мне.

Рука незнакомца поглаживает мою напряженную спину, и я притворяюсь, что словесный укус не жалит. К тому же, я хочу эту ночь с ним.

– Тебе пора, – тон моего незнакомца невозмутим.

– Намек ясен, пока!

– Отвези ее подругу, куда она попросит.

– А... она?

Обжигающий взгляд, многозначительная улыбка.

– Ее отвезу я.

– Да, шеф! – шутливо бросает второй незнакомец, слышу его шаги, слышу голос Ларисы, их дружный смех, звук отъезжающей со стоянки машины. Лариса на каблуках, хорошо, что ее подвезут – почему-то думаю о пустяках, о подруге, а не о том, что осталась один на один

с незнакомцем и чем закончится эта ночь. Я ужасно боюсь: того, что случится и того, что мужчина, которого я хочу, скажет, что шутка окончена.

Он берет меня за руку и ведет к вишневой машине. Дверь со стороны водителя открывается, крепко сложенный молодой человек поспешно распахивает дверь для задних сидений. В салоне пахнет сандаловым деревом и грейпфрутом – мой любимый аромат, делаю глубокий вдох, еще один и смущенно смотрю на мужчину рядом. Склоняю к нему голову, вдох... Краснею, как школьница, так и есть – это его запах.

Широкая ладонь не позволяет мне отклониться, и я покорно прижимаюсь лицом к синей рубашке, и дышу, дышу, не могу надышаться. Повернув чуть голову, замечаю случайный взгляд водителя – он видит, как я липну к его хозяину, наверняка, видел, как липла к нему у бара, и стыд заливает щеки. Я еду с мужчиной, имени которого не знаю, к нему домой – но не уверена точно; зато я и все остальные четко знают, зачем.

– Тебе холодно?

Он убирает руку, но я все равно не поднимаю голову, так и сижу, уткнувшись носом ему в грудь.

– Нет, – говорю, – наоборот.

– Макар, в машине жарко.

– Да, шеф.

Наверное, он понизил температуру кондиционера – или как там это называется в иномарках? – и я едва сдерживаю смех. Мне жарко не потому, что лето, не из-за температуры в машине, мне жарко из-за... из-за... эм...

– Как тебя зовут?

– Я думал, ты согласишься после свадьбы.

Он не улыбается, но я вижу смешинки в его глазах. Все еще не могу определить их четкий цвет – не карие, не черные, похоже на синеву наступающей ночи. Впервые вижу такой оттенок – наверное, виной освещение.

– Ярослав.

– Яр, – произношу я, мне нравится его имя. Я думаю, он спросит мое, но он молчит, всматривается в мои глаза и молчит, а смешинки так и кружатся в наблюдающей ночи.

– Больше ничего обо мне не хочешь узнать?

– Что, например?

– Кто я? Чем занимаюсь? Сколько зарабатываю?

Он продолжает шутить насчет свадьбы, я притворяюсь, что верю, но одно дело строить из себя наивняк и другое – полную дурочку.

– На тебе брюки от Армани, рубашка Стефано Риччи, перстень с массивным камнем – черный бриллиант? Нет? В камнях и часах не разбираюсь, но камни в часах похожи на те, что в перстне. От тебя за версту несет богатством и властью. Логично предположить, что ты зарабатываешь достаточно.

– И логично предположить, что ты отметила все это до того, как сделала мне предложение.

В его словах нет вопроса, нет осуждения, я не обязана перед ним оправдываться, даже если и так. Чувствую, что лучше смолчать, но есть такой неизлечимый изъян, как язык без костей, поэтому я говорю в лоб.

– Увы, через бамбуковую стену кабинки в баре слышно великолепно, но видно отвратно. Да и во время поцелуя я видела все как в тумане. Но в машине ты близко, думаешь о своем, твои губы не одурманивают, а я, извини, не слепая.

Ехать куда-либо расхотелось. Вот так, несколько слов и притяжения как не бывало, врут, утверждая, что женщина любит ушами. Лучше, когда мужчина молчит, да и самой лучше

помалкивать. Смотрю в окно на пробегающий наперегонки с фонарями асфальт, жду, когда Яр прикажет остановить машину.

Попросить высадить меня на ближайшей трамвайной остановке? Перебьется, да и трамваи уже, наверное, не ходят.

Подсчитываю мысленно, сколько у меня денег и подскакиваю с криком:

– Моя сумочка!

Игнорируя все признаки близящейся истерики, Яр делает звонок по мобильному.

– Стас, где сумочка девушки?.. Не той, которую ты повез домой, – быстрый взгляд в мою сторону. – Да, той, что со мной... Понятно... – И уже мне: – Сумку взяла твоя подруга, все нормально.

Как сказать, я почему-то так не считаю. С сожалением смотрю, как проносимся мимо пустующей остановки трамвая. Попрошусь выйти из принципа – выйду, а вот дойду ли до дома? Туфли говорят "нет", гордость – "куда денешься?", я трусливо выбираю нейтралитет и говорю:

– Отвези меня домой, пожалуйста.

– Уверена?

– Да.

– Хорошо, – соглашается легко, отдает распоряжение водителю, но смотрит при этом как-то странно. Машина резко сворачивает вправо, я облегченно выдыхаю, благодарю себя за храбрость, закрываю глаза и... видимо, засыпаю.

На руках у Яра тепло, уютно, надежно, совсем не хочется просыпаться и уходить. Мало-душно позволяю себе понежиться еще минутку и говорю, снова закрыв глаза:

– Второй этаж.

Тихий смешок. Не бросил, несет – странно. Прижимаюсь к нему – запах сандала с грейпфрутом. Почти мурлыча, вдыхаю, мне позволительна некая вольность, я почти сплю. Поворот, щелчок (парадное?), еще поворот, коридор. Шагов не слышно, но в ушах у меня начинает стучать. Какой поворот?! Какой коридор?! Где пролет и лестница?!

Открываю глаза и чувствую под спиной мягкий диван одновременно. Торшер вспыхивает от хлопка ладоней. Незнакомая комната, незнакомый дом, насмешливое лицо наблюдающего за моей реакцией мужчины с пшеничными волосами.

– Где я?

– Я хотел отвезти тебя в одну из своих квартир, но ты попросила домой. Помнишь?

Я хотела домой к себе, то есть, в квартиру Ларисы, в комнату, которую я у нее арендую....

– Ты не сказала адрес, а единственный дом, адрес которого я точно знаю – мой.

Логично, справедливо, вот только...

Какое-то время мы молча рассматриваем друг друга, но мой взгляд то и дело соскальзывает к его губам. Какая разница, в конце концов, что он не спросил мое имя? Его имя тоже сотрется из памяти, а ночь на двоих останется.

– Нет.

Качает головой, будто прочел мои мысли. Но мне все равно. Я хочу его, как никого другого, хочу узнать вкус не только манящих губ. Но только успеваю подняться и сделать шаг, слышу повторное:

– Нет.

Не веря, смотрю, как поворачивается спиной, идет к двери... На пороге останавливается.

– Тебе принесут постельное и во что переодеться.

Оборачивается. Я все еще надеюсь, что он останется.

– В доме есть слуги, охранники, – изучающий взгляд. – Моя комната на втором этаже, на первом, рядом с твоей – комната для охраны. Она никогда не пустует.

Не понимаю, зачем он мне это рассказывает, я не планирую взламывать сейф.

– Все охранники крепкого телосложения, повариха и горничные находят их привлекательными... Если захочешь уйти, они не станут тебя удерживать.

Понимаю его еще меньше, но киваю.

– Если ты не лгала насчет девственности... Словом, ты можешь уйти, охрана не станет тебя удерживать. Можешь избавиться от девственности за эту ночь и тебя не стану удерживать я. Или можешь лечь спать, а завтра, после осмотра моего врача, если твои слова подтвердятся, мы поженимся.

Он переступает порог.

– Увидимся? – вопрос, не уверен, что застанет, когда проснется.

Уходит, не оглядываясь. А я опускаюсь на ковер, у открытой двери, смотрю в пустой коридор, и думаю, чего я хочу больше? Догнать его, ударить, расплакаться или выйти за него замуж?

Напротив останавливаются чьи-то ноги, в ступоре рассматриваю рыжие ботинки.

– Что с вами?

С неохотой перевожу взгляд от ботинок к лицу – тот самый водитель. Смотрит с сочувствием, в голосе тревога, но мне чудится, что он здесь по приказу Яра, чтобы лишить меня девственности. Подтягиваюсь и хлопаю дверью перед его носом. Быстро щелкаю замком, приваливаюсь к двери.

– У вас все хорошо? – не унимается.

Молчу, дрожу от страха и нервов и думаю, скорей бы рассвет, скорей бы начали ходить трамваи, чтобы сбежать в привычную безопасность. Но это все напускное, морок. Красной вспышкой пронзает явь: никуда не уйду без объятий и поцелуев Яра!

Прислушиваюсь – тихо за дверью. Выжидаю минуту, чтобы наверняка, открываю дверь и выскальзываю в коридор. Приглушенные голоса, шаги в штабе охраны. Как воришка крадусь мимо, потом озаряет: дом, наверняка, напшигован камерами! Останавливаюсь, выпрямляю спину, нос кверху. Прогуливаюсь, да, наверх, да, в комнату их хозяина. Видят – и что? Их это не касается!

Только если насчет меня оставлены четкие инструкции...

Жду, что выбегут, скрутят руки, крикнут: "Назад! Не велено!", как в боевиках, но никто не выходит, руки свободны, и ноги мои несут на второй этаж. Первая дверь? Вторая? Прохожу мимо, тянет почему-то к третьей. Мне кажется, я улавливаю нотки сандала.

Открываю дверь, взгляд упирается в мужскую спину на фоне окна в пол. Полумрак, как в средневековые вместо освещения канделябры и свечи. Прикрываю за собой дверь. Иду по ковровину белоснежного цвета.

Наверняка слышал, что кто-то вошел, слышал, но не оборачивается.

Молчит.

Делаю шаг к нему, второй, третий, утыкаюсь лицом в напряженную спину, вдыхаю так волнующий меня запах.

– Ты что-то хотела?

Сколько прошло времени в полном молчании? Час? Два? Или минута? Мне хорошо с ним, говорить совершенно не хочется, объяснять очевидное тянет еще меньше.

– Да, – говорю я, – хотела.

И снова молчим.

– Что? – наконец, спрашивает.

Мои руки лианами оплетают его торс, одна спускается вниз, вторая ползет к твердой груди. Он все еще ждет ответа? Или уже догадался? Я думаю, он знал его еще до моего прихода, а сейчас, как и в баре, играет.

А я джокер и делаю, что хочу, поэтому обхожу его, становлюсь напротив, смело встречаю предупреждение ночи и, потянув пальцами за пшеничные волосы, выдыхаю в губы:

– Тебя.

Глава № 2

Поцелуй обрушивается тропическим штормом. Мысли подхватывает и уносит прочь ветер, тело бьет дрожь, на губах пирует огонь, а в душе разрывается дождь. Одна ночь... Второй у нас с ним не будет...

Все равно!

Без разницы!

Я возьму даже это!

Прижимаюсь телом к его, но мне мало. Жар... Расстегиваю пуговицы рубашки дрожащими пальцами, затуманенным взором смотрю в потемневшие страстью глаза. Хочет что-то сказать, но я закрываю рот поцелуем. Не сейчас, сожаления, если будут – позже, пусть позже, когда я уйду. Утром. А пока только ночь.

Моя ночь.

Руки Яра опускаются ниже моей талии, мнут, подхватывают. Наконец-то я ближе к нему: таю, как мороженое под солнечными лучами. Исчезаю...

Он удерживает меня левой рукой, пока снимает рубаху с запястья. Теперь правой. Прижимает спиной к стеклу, замирает, только дышит тяжело в шею, а я совсем задыхаюсь.

– Ты уверена?

– Да.

– Ты лгала насчет девственности?

– Нет.

– Скажи сейчас, все равно ведь узнаю.

– Да.

– Да, лгала? – переспрашивает и отрывает лицо от моей шеи.

– Да, хочу, – уточняю. – И да, я девственница.

Запутываюсь пальцами в его волосах, и больше не отпускаю. Губы, глаза, подбородок и скулы... целую ключицы, облизываю кадык. Чуть солоноватый грейпфрут, более насыщенный запах сандала...

Легкий укус зубами...

– Кошка, – усмехается Яр.

Мурлычу ему в ухо, ногтями легонько царапаю плечи, и мир летит вверх тормашками. Моя футболка ползет к шее, отлетает в сторону, под спиной теплый ворс ковролина. Прогибаюсь под жадными пальцами, тянусь за ними, когда ускользает, недовольно ворчу, когда заставляет лежать смирно.

Приказывает ждать. Жду. Приказывает молчать. Молчу, пока руки его не освобождают меня от джинсов, бюстгалтера, трусиков и пока губы его не начинают сладкую пытку. Приказывал молчать, но стон вырывается самовольно.

– Непослушная. – В наказание раскрывает мои ноги еще больше и стон мой смешивается с хрипом от нового поцелуя.

– Яр...

Не слышит.

– Яр, пожалуйста...

Тяну за пшеничные волосы, пытаюсь поднять его лицо.

– Не сейчас, я немного занят.

Приподнимаю бедра под натиском его рук, языка, и кричу, рассыпаясь на тысячи пазлов.

– Яр...

– Еще не все, – усмехается.

И повторяет танец языка с моей плотью.

Нет сил стонать, нет сил извиваться, нет сил чувствовать, но я снова вижу кружащие надо мной звезды, тянусь к ним, взлетаю и... падаю истощенной от стонов и чувственной вспышки.

– Не могу, – попытка перекатиться на бок, свернуться калачиком, уснуть.

– Можешь.

И снова я на спине, открыта перед жаждущим взглядом.

– Нет...

Улыбается, и я думаю машинально: вот кто из семейства кошачьих.

– Можешь, – располагается между моих бедер. – Все только начинается.

Начинается? А как же шквал, буря, космическая станция, что были до этого?

– Готова?

Качаю головой. Смех, от которого я улыбаюсь. Могу уйти, могу сказать нет. Могу, но не хочу этого делать. Уйти не поздно и завтра.

Киваю и тут же чувствую толчок внутрь себя и слышу негромкий крик. Свой крик. Больно так, что невольно сжимаюсь. Нет звезд, нет радужных вспышек, нет ничего прекрасного. Врали! Все, кто говорил, что секс в удовольствие – врали! Смотрю в лицо Яра – я хотела его, очень, но сейчас едва сдерживаюсь, чтобы не столкнуть. Мои пальцы отпускают его волосы, и теперь безвольно лежат вдоль приносящего боль тела, а я подсчитываю количество ударов и сколько еще до окончания. Хотелось бы меньше, слышала, кому-то достаточно дюжины фрикций, но Яр явно себя не жалеет.

– Не плачь.

Теплые пальцы ласкают мое лицо, в голосе сожаление, и я понимаю, что действительно плачу, и мне тоже жаль. Жаль, что даже с мужчиной, которого я так хотела, мне не понравилось. Сколько же? Сколько еще? Длинный толчок...

Замирает со стоном. Перекатывается на бок, прижимает меня к себе.

– Не плачь, – просит, стирая слезинки пальцем.

Киваю, и продолжаю отчаянно плакать. Чуть успокаиваюсь, уже не больно – так, несколько неприятно, саднит и все. Пережила, не сломалась.

– Все нормально, – успокаиваю, успокаиваюсь сама. И вдруг голову простреливает чудовищная мысль. Выворачиваюсь из объятий, чуть отодвигаюсь и... так и есть! Смотрю на темное пятно, впитавшееся ковролин цвета чистого снега. Красное на белом.

Красное...

Меня подташнивает, но я сдерживаюсь, чтобы не испачкать ковролин еще больше.

– Глупая, – ладонь Яра тянет меня обратно к себе. Так стыдно, что я с удовольствием прячу пылающее лицо на его груди. Прижимаюсь и замираю, чтобы не создавать новые пятна. А Яр, улыбаясь, ласково повторяет: – Глупая кошка.

Я расслабляюсь и закрываю глаза. Мурлычу под нежными прикосновениями или мне это снится. И вода, и необъятная ванна с пузырьками, щекочущими кожу, и махровое полотенце, впитывающее влагу, и кровать с шелковыми алыми простынями – тоже снится. И мужчина, что ложится рядом и гипнотизирует взглядом. Все сон. Мой сон. И мужчина мой. На одну ночь.

Устраиваю голову у него на груди и под мерное дыхание и поглаживание моей спины, во сне засыпаю.

С рассветом память услужливо подсовывает вчерашнюю бесстыдную сцену, и я в цветных картинках вижу себя, Яра, свет свечей и белый ворс с пятном крови. Не открывая глаз, знаю, что мой любовник лежит рядом, точнее, я рядом с ним, а еще точнее – у него под мышкой. Делаю глубокий вдох, удивительно, он не пахнет, разве что едва улавливаются нотки сандала. Раньше я думала, что после секса мужчина воняет как после долгой пробежки. Впрочем, раньше я думала, что секс приятен, а приятно мне было до того, как от ласк мы перешли непосредственно к делу.

Второй раз больно не будет, я знаю, и что не все женщины испытывают оргазм – знаю тоже. И что открыть глаза и встретиться взглядом с тем, кто был в тебе ночью, все равно придется – не сомневаюсь. Но тяну время. Стыд заливает щеки.

Я думаю о втором разе?!

– Вспоминаешь прошлую ночь или строишь планы на следующую? – насмешливый голос Яра оплетает меня, как и его руки, нежностью.

Теперь я точно ни за что не открою глаза, буду лежать так весь день, если понадобится. А когда он выйдет из комнаты, сотру пятно с ковролина, позвоню Ларисе, чтобы заплатила за такси и сбегу.

– Скоро придет мой врач, – говорит Яр, и я наконец распахиваю глаза. Какой врач?! Девственности уже нет, и вообще...это же все розыгрыш, несерьезно, и я не хочу за него замуж.

Я выпаливаю все это на одном дыхании. Яр внимательно слушает и смеется. Его смех отзывается в моем теле дрожью предвкушения, и я невольно тянусь к его лицу, губам, груди. Осыпаю поцелуями. Моя рука сползает вниз, вдоль его тела, но Яр убирает ее.

– Позже, – обещает.

Пытаюсь обидеться – не могу, его улыбка топит все напускное.

– Яр, но зачем нужен врач? Не понимаю. Ведь я... – взгляд соскальзывает на белый ворс ковролина. Ничего нет. Ни пятнышка! – Яр...

Быстрый поцелуй, и я вижу его всего – поднимается с кровати, потягивается. Мой взгляд приклеивается к упругим ягодицам, а он оборачивается, улыбаясь, набрасывает на меня алое покрывало, и скрывается в смежной комнате. Слышу всплеск воды, наверное, там ванная. Наверное, сон, в котором меня купал Яр – не сон. Сердце сладко сжимается, я чувствую, как сомнения развеиваются, и я с новой силой хочу его. Хочу ощутить все, что он может мне дать, не только руки, язык...

Но я не уверена, как мне лучше вести себя. Уйти, как и собиралась, пока он в ванной? Попрощаться и уйти? Или... остаться, пока уйти не попросят?

А пока думаю, одеваюсь.

Джинсы слегка натирают чувствительную кожу, морщусь, но не в покрывале же мне сидеть? Ну это если я все-таки останусь... Да и если уйду, тоже ведь не в покрывале! Так что терплю, легкое жжение пройдет. Хорошо, что утром мы не устроили повторение, хотя и жаль: хотелось проверить, хотелось вновь ощутить тяжесть мужского тела.

Выйдя из ванной, Яр обнимает меня сзади за плечи и как вчера, утыкается лицом в шею. Сандал, грейпфрут.

Мужчина, с которым я провела ночь... Впитываю его, как губка, рукой тянусь вверх, к волосам. Интересно, какой их цвет при утреннем освещении? И какого цвета глаза? Оборачиваюсь, и тону в черно-синих облаках под пшеничными сводами. Шелк пропускаю сквозь пальцы, прижимаюсь щекой к темно-синей рубашке.

– Тебе идет этот цвет.

– Знаю, хотя больше люблю красный.

Мы какое-то время молчим, но разговор неизбежен. Яр по-прежнему не знает моего имени, ему это не интересно, но я не могу заставить себя опустить руки, отойти, что-то начать говорить. Не могу на него разозлиться. Кто я? Простая девчонка, которая сама влезла в его постель, можно сказать, подцепила его в баре. Кто он? Состоятельный человек, позволивший мне и себе развлечься.

Утро, адью этой сказке. Я – не Лариса, чтобы пытаться перетягивать ее в реальность.

– Я сделал звонок, – говорит Яр, – врач уже был у ворот моего дома, но пришлось возвращаться. Он очень расстроен.

– Ни дня без работы?

– Влюблен в мою повариху.

– А он в курсе, что она находит твоих охранников привлекательными? – не удерживаюсь от шпильки.

– Он поступил в медицинский с пятого раза. Он очень настойчив.

Яр улыбается, и я машинально улыбаюсь в его рубашу. Какой теперь толк в докторе, пусть даже настойчивом? Мою девственность он все равно не найдет.

– Можешь дать мне мобильный? Я хочу позвонить.

Он достает из заднего кармана телефон, я по памяти набираю Ларисин номер. Долго не берет трубку – соня, но вот, наконец, недовольный и хриплый ор:

– Да?!

– Это я, – торопливо выпаливаю. – Я возьму такси и сейчас выезжаю. Ты сможешь спуститься и выкупить меня? Деньги я отдам.

Телефон возвращается к своему хозяину.

– Лариса, – говорит Яр, не спуская с меня строгого взгляда, – она не приедет сегодня. Никуда выходить не нужно. Добрых снов.

– Я так и думала, – ворчит подруга. – Взаимно.

Взгляд Яра испепеляет, в нем столько намешано, что я не выдерживаю, прячу глаза. Насмотревшись на ковролин, начинаю осмотр комнаты: знакомая кровать поглощает практически все пространство, два торшера по бокам, замысловатая картина на противоположной стене, в углу несколько кремовых пуфиков. Преобладание кровати и красного безусловно.

Поднимаю глаза.

Яр молчит, скрестив на груди руки, словно отгораживаясь, но будто веревками удерживает меня.

– Почему ты сказал Ларисе, что я не приеду? – спрашиваю и вдогонку бросаю второй, не менее важный вопрос: – Откуда ты знаешь, как ее зовут?

Он даже моего имени не спросил, а здесь вдруг... Лариса. Неуютно и холодно в этом июне и в этом доме, и под этим внимательным взглядом... Похоже на ревность, но я не ревную; кто я, чтобы его ревновать? Одна из многих, и то, уходящая.

– Если забыла, ты сегодня выходишь замуж – это ответ на первый вопрос. И почему ты думаешь, я не знаю, как зовут твою единственную подругу в этом городе, Злата?

А вот этот ответ на второй.

С минуту в шоке смотрю на Яра. Он знает мое имя! Приятное тепло разливается в теле, щеки предательски розовеют. Он знает мое имя! Знает!

И тут до меня доходит его первый ответ...

Какая, прости Господи, свадьба?!

Говорю Яру, что все понимаю, пошутили вчера с друзьями – он и я, закончилось все шедеврально, но цирк не люблю с детства, потому что в детстве как раз таки в цирк хотелось, но в нашем городе его не было. Несколько минут вдруг рассказываю про цирк, про то, что люблю хищников, особенно без ума от тигров. Яр выуживает незначительную информацию о моем детстве, и слушает так, будто для него это важно. Под его взглядом, под лаской ладони сбиваюсь, начинаю рассказ заново и одумываюсь: чего ради я посвящаю его в свое скудное детство?

Какая ему разница, что в нашем холодильнике никогда не было забитых продуктами полок, а частенько мы и вовсе его отключали за ненадобностью? И что в институт я ходила в одной паре джинсов, сезона зима-лето-осень-весна-все равно других не было, и что, поддавшись Ларискиным уговорам и подойдя к нему с предложением, я вовсе не рвалась замуж, а думала о пальто с мехом енота на воротах, который, скорее всего, не енот, а дворовая кошка.

В глазах Яра мелькает лукавое выражение. То ли удивлен, что из котов делают воротники, то ли намекает мне, что не против услышать, как я мурлычу ему. Смутившись, замолкаю. Запоздало мелькает мысль: что-то я разболталась. Сказала главное, что замуж не собираюсь

– и иди себе, нет же, стою, чего-то жду, боюсь пропустить малейшие эмоции на лице моего любовника.

Мой любовник...

Он не расстроен из-за новости с пальто, хотя... с чего бы ему расстраиваться? Больше удивляет, что он не соскальзывает с крючка, как я ему предлагаю.

– Ты говоришь "нет", но твое тело говорит, чтобы я не слушал. – Улыбается заговорщически. – Сделаем так... У тебя есть время подумать, но учти, я не шучу такими вещами. Мне тридцать четыре, я свободен морально и финансово, не против семейных отношений, – подмигивает, – и мне импонирует, что я ни с кем не делил свою женщину.

От последних слов Яра жидким оловом растекаюсь у его ног, а взглядом облизываю лицо, уже без утренней щетины, скулы, темные глаза с пушистыми ресницами, светлые брови, виски с едва заметно пульсирующими венками и рот. Его рот, по которому успела соскучиться. Яр выше меня примерно на голову, и мысленно я поднимаюсь на цыпочки, чтобы запустить пальцы в его пышную шевелюру. Совершенство бардака – я бы так назвала его прическу, но уверена, каждая прядь только притворяется фривольной, а лежит четко по задумке хозяина. Как и защитного цвета брюки имитируют обычность оптового рынка, но цена их для смертных колеблется где-то между заоблачными и нереальными. И медово-желтая рубаша из последней коллекции Кензо, и ботинки горчично-брезентового цвета... Все продумано, под контролем стиля и моды. И фигура его, наверняка, под контролем правильного питания и спортивного зала, и только глаза сейчас как два сорванца, искушают, искушаются.

Пока я грежу, Яр делает шаг, и его губы насмешливо шепчут мне в ухо:

– Ты можешь уйти, вся такая гордая и неприступная, и думать обо мне и сравнивать с будущими любовниками. Можешь рискнуть и выйти за меня замуж, и мы попробуем. Не получится – ты получишь компенсацию после развода.

Морщусь. Думать о свадьбе с малознакомым мужчиной, пусть даже от которого сносит крышу – безумство. А думать о разводе еще до свадьбы – уже проигрыш в отношениях.

– А можешь остаться в моем доме, – продолжает Яр. – В качестве любовницы.

Притворяюсь, что слова меня не задели, но посматриваю на дверь.

– И я буду брать тебя, когда захочу, как захочу и сколько мне захочется.

Мое ухо плавится от его слов, перед глазами пелена, и дверь выглядит как-то размыто.

– Но при втором варианте я заставлю тебя бросить работу в агентстве.

Пелена отступает, но вместо того, чтобы сфокусироваться на двери, спрашиваю:

– А при первом?

– И при первом тоже. Ты все равно не любишь свою работу, а я не хочу, чтобы моя женщина делала то, что не хочет.

Выворачиваюсь из объятий, рядом с Яром совсем не могу думать связно. Мне хочется закрыть ему рот поцелуем, чтобы перестал соблазнять, точнее – чтобы наконец соблазнить его, и не разговорами, а более плотским занятием. Колкий взгляд внимательно за мной наблюдает, и только усилием воли не съеживаюсь. Минуту назад пронзающая насквозь нежность, а сейчас, кажется, ошибусь с ответом, и взгляд пронзит меня.

– Когда тебе нужен ответ?

Яр смотрит на часы.

– До прихода служащего загса час сорок, но я думал, ты захочешь выбрать себе платье. Это в том случае, если придерживаемся варианта номер один. – Усмехается. – Итак, что выберешь? Меня? Или меня и деньги?

Могу притвориться недотепой, уйти или остаться, не выяснив отношений. Но так предпочитают делать мужчины. А мне сейчас страшно, душно, но такое ощущение, что за спиной растут крылья и я все смогу, даже выдержать этот странный разговор с Яром. И если решусь... нет, все еще в это не верю, и тяну время, собирая мечущиеся в лихорадке мысли.

– Если я правильно поняла, я в любом случае получаю тебя и деньги.

Яр взрывается смехом. Не тихим, как утром, а громким, раскатистым, довольным. Его руки собственнически тянутся ко мне.

– Видишь, как хорошо ты меня понимаешь.

Я не понимаю его. Совсем. Но больше всего не понимаю, зачем ему я. А он становится вдруг серьезным, приподнимает пальцами мой подбородок и спрашивает недоверчиво:

– Хочешь сказать, что переспала со мной просто так? Ни на что не рассчитывая? Не собираясь выйти, как я наобещал, замуж?

Застываю камнем в его руках.

Рассчитывала...

Наобещал...

Яр пытается удержать, но я отчаянно вырываюсь.

– Дурак! – смахиваю поспешные слезы: – Я переспала с тобой за пальто! Три месяца без квартплаты! Понял?!

Три месяца без квартплаты... Три месяца без квартплаты...

Но мантра не успокаивает, мечусь белкой по комнате, что-то ищу, что-то пытаюсь одеть. Откидываю в сторону мужской галстук, и к двери. Рывок – перехват, спиной прижимаюсь к сильному телу.

– Пусти! – изворачиваюсь ужом.

Молчит. Держит. Обжигает глубоким дыханием ухо.

– Пусти!

– Это неправильный выбор, Злата, и ты это знаешь.

Не хочу вступать в диалог, не хочу тайно радоваться, что удерживает, будто я для него что-то значу, не хочу ощущать дрожь от его запаха и прикосновений.

– Откуда ты знаешь мое имя?

Немного успокаиваюсь, и Яр меня отпускает, но становится между мной и дверью. Руки скрещены, глаза излишне серьезны и такие темные, что в них практически не остается синего.

– Неужели ты думала, я пущу совсем незнакомого человека в дом?

– Навел справки?

– Какое странное определение, – усмехается. – Но да, наверное, можно и так сказать.

– До того, как мы переспали или после?

Его ухмылка трансформируется в притягательную улыбку, и я понять не могу, как все еще держусь, что-то спрашиваю, а не бросаюсь на него, как кот после валерьянки.

– В машине, пока ты спала.

Нет, я, конечно, понимаю, что деньги и все такое, но чтобы так быстро?!

– Твоя подруга очень словоохотлива.

Она болтлива – да, и знает меня с первого класса. И я знаю ее слишком хорошо, потому верю, сразу, и переборов легкую горечь, спрашиваю:

– И много ей заплатили?

– Тебе нечего стыдиться прошлого.

Нищее детство, учеба, школьные обиды, шуточки одноклассников над одеждой...

– Знаю, – задираю подбородок к потолку, но почему-то снова утыкаюсь в грудь Яра, и расслабляюсь в его руках. Так тихо в комнате, что я слышу, как отмеряют время его часы. Мне хорошо, уютно, и в крепких объятиях мелькает иллюзия, что я наконец дома, но потакая внутренним страхам, я снова спрашиваю:

– Зачем тебе я? Не верю, что вот так, с первого взгляда...

И слышу смех и искренние, но не те, что ждала, слова:

– Ты помнишь свое предложение?

Мне двадцать два, высшее образование, я девственница, у врача можем проверить. Так что, когда свадьба? – проносится в памяти.

– Вот мой ответ. Ты молода, с высшим образованием, действительно была девственницей, мне нравится, как ты сложена, и я далеко не мальчик, чтобы ждать что-то там с первого взгляда. Кроме интереса, естественно, который ты во мне вызвала.

Это мало похоже на признание, но я почему-то радуюсь.

– Так что? – снова его взгляд на часы.

И вдохнув запах сандала, сломя голову, падаю в пропасть:

– Мы все еще успеваем купить платье?

Глава № 3

Но едва слова рассекают воздух, я испуганно замираю.

Замуж?

Я?

Через час?

Пусть даже в свадебном платье?!

Яр целует меня, в глазах – ликование, а я от дурных предчувствий едва не задыхаюсь. Мне кажется, я сама плету себе паутину, в которой запутаюсь. Яр вызывает водителя, поручает меня ему и стилисту, что ждет у свадебного салона, а я не могу отлепить от ковролина пальцы ног.

– Все в порядке?

– Нет.

Взглядом отсылает водителя, но мне это не помогает. Не могу говорить связно, не могу двинуться с места – опускаюсь на корточки, обхватываю колени, взгляд упирается в присевшего напротив Яра.

– Боишься?

Киваю.

– Меня?

Качаю головой.

– А чего?

И я задумываюсь. Действительно, чего я боюсь? Почему перспектива выйти замуж за состоятельного мужчину меня пугает?

– Ты пьешь? – спрашиваю.

– Да, но я знаю меру.

– И сколько?

Прижимает меня к себе, молчит. Подсчитывает? Вспоминает? Нет, догадывается и просто гладит, как маленького котенка.

– Я тебя не обижу. Обещаю.

Поднимаю голову, всматриваюсь в темные глаза мужчины, чьи объятия так согревают, и думаю: а почему не попробовать? Штамп в паспорте – не решетка.

И вот, с перебежкой через ванную, где наспех привожу себя в порядок, я еду за платьем. В салоне их столько, что можно поселиться на несколько дней и не факт, что все перемеряешь, а у меня только час. Сейчас уже меньше, с учетом дороги. Светлана, стилист, уверяет, что мы все успеем, но я не очень-то верю. Она хорошенькая, светловолосая, уравновешенная, а у меня легкая паника и не нравится абсолютно все.

– Конечно, – соглашается она, – это нам не подходит.

И мы идем дальше, вдоль вешалок и манекенов. Консультанты не чирикают за спиной, не навязывают прошлогодние фасоны, и постепенно я успокаиваюсь. Создается ощущение, что мы только вдвоем, никуда не спешим, ничто нас не гонит.

Белое, белое, нежно-розовое, кремовое... Пышно, свободно, облегающее, броско...

И вдруг мой взгляд упирается в платье небесного цвета, на его лифе и подоле темно-синим переливаются причудливые цветы, которые кажутся волшебными, живыми...

– Примеришь? – предлагает Светлана.

Я и платье скрываюсь в примерочной с зеркалами; оно выглядит просто в сравнении с другими, но оно совершенно. Смотрю на свое отражение, и не могу поверить, что это я. Откровенно люблюсь, мне нравится то, что я вижу. Но время торопит, слышу голос стилиста,

она говорит, что у нас минут тридцать, и если я хочу примерить другое... и еще она должна сделать мне макияж, и еще обратная дорога, так что...

Выхожу из примерочной под ахи и вздохи сбившихся в стайку консультантов, но мой стилист не подвержена эмоциям, чеканит по-деловому:

– Голубой хорошо смотрится с твоими русыми волосами. Думаю, мы их просто распустим, они длинные и прямые, будто их утюгом вытягивали – будет смотреться стильно. Макияж в духе минимализма – блеск для губ, подводка, чуть пудры. Мм, хороший выбор.

Консультант приносит туфли в тон на невысоком каблуке, но пока примеряю, все думаю о платье. Выбор мой, и оно мне понравилось с первого взгляда, но где-то на подсознании мелькает мысль, а точно ли я его выбрала?

Очень смутная мысль.

Туфли не жмут, и я остаюсь в них, а босоножки кочуют в коробку Prado – такая роскошь вряд ли им снилась.

– Справились, – удовлетворенно улыбается Светлана.

Здесь же, в салоне, вдохновившись глотком кофе, она усаживает меня на мягкий пуф, просит закрыть глаза и минут пятнадцать колдует с кисточками, после чего зеркало показывает мне меня, но не просто меня, а знающую цену себе и не знающую счета деньгам, красавицу.

Мне кажется, мои глаза настолько выразительны, и серый цвет сейчас ближе к голубому, что уводит придиричивый взгляд от груди второго размера и выпирающих ключиц. Впрочем, Яр ничего не говорил о гостях, а его моя грудь и ключицы устраивали.

– Ну как? – интересуется стилист, складывая в толстую сумку принадлежности.

– Восхитительно! – говорю честно, и зарабатываю задумчивый взгляд.

– Да, – говорит она, выйдя из оторопи, – орхидеи на лифе как раз под цвет глаз Ярослава Владимировича.

Всего одна фраза, небрежная и не колкая, но снова мелькает мысль, что я никакого платья не выбирала, что все было продумано заранее, а я просто сыграла отведенную мне роль. Знать бы какую. Настроение улетучивается, и вот зеркало показывает не меня, а кого-то похожего, в голубом с синим платье, но с рассеянным взглядом и огорченной морщинкой между бровями. Больше нет и следа той, уверенной в себе и жизни, красавицы.

– Вы могли привезти платье в дом Ярослава Владимировича, – я стараюсь, чтобы в голосе не отразилось грусти или раздражения. – Не пришлось бы терять время на знакомство и пробки.

Стилист рассматривает меня, а я – ее пальцы. Обручальное кольцо есть, но в нашей реальности оно почти ничего не значит, а в ее реальности, успешно-багатых, значит, видимо, еще меньше.

С какой легкостью Яр согласился на свадьбу-фарс! Да еще уговаривал! Вот уж повезло посмеяться!

Благодарю ее в пышных выражениях, и пока она задумчиво меня рассматривает, а водитель расплачивается кредитной картой хозяина, выхожу на улицу.

Подышать...

Возвращаться в машину не хочется, но из этого района домой я дойду в лучшем случае утром; к тому же, я в туфлях, а не в любимых кроссовках.

Стилист вручает мне клатч с синей орхидеей из камней Сваровски. Не удивляясь, снова благодарю и прячусь от ее взгляда за тонированными стеклами авто.

– Вы можете отвезти меня домой? Ко мне домой? Пожалуйста, я не дойду пешком.

– Ярослав Владимирович четко дал понять, чтобы я привез вас обратно.

Машина выруливает на проезжую часть, удачно вклинивается в поток.

– А я четко даю понять, что обратно не собираюсь!

Улавливаю спокойный взгляд в зеркале, прежде чем черная перегородка отделяет меня от водителя. Щелчок – двери автоматически заперты, окна ползут вверх, а кондиционер набирает обороты. Но мне душно. Задыхаясь, дергаю ручку...

Мне дурно и страшно. В ушах шумит, а на платье падает первая капля крови...

Когда распахивается дверь с моей стороны, я чувствую поток свежего воздуха и потихоньку возвращаюсь к реальности. Слышу голоса – пока еще не отчетливо, ощущаю кружащее надо мной беспокойство, пытаюсь бойко улыбнуться, и не могу.

– Злата, – зовет мужской голос.

– Я выбрала платье, – говорю этому голосу и теперь у меня, кажется, получается ему улыбнуться. Не хочу, чтобы он злился, даже если не на меня: злость разрушительна. Встряхиваю головой, выныривая из омута прошлого – на платье, наверное, пролилось больше крови, но лучше так, лучше так, это все-таки настоящее...

Оглядываться не хочу. Бессвязные мысли складываются в логическую цепочку, и даже с закрытыми глазами и в полуобморочном состоянии я знаю: мужчина, чье раздражение плещется высокими волнами – Яр; человек, отхвативший удар по энергетике – водитель, а я уже не в машине, а на руках у своего любовника, в свадебном платье, украшенном орхидеями с каплями крови.

Яр замолкает, едва моя ладонь прикасается к его лицу, волны раздражения ухают вниз, нехотя отползая, притаились за темными омутами. Шаг – и сорвешься, шаг – и накроет тебя с головой, шаг – и никто не найдет больше. Сколько шагов уже сделала я? Ночь, утро, день – получается три. Я могла уйти, могла настоять на своем, и сейчас для меня уйти не поздно, но... Я теряюсь в нем, я не вижу себя без него, и мне страшно.

– Я не хотела возвращаться, – признаюсь.

– Я знаю, – говорит Яр, неся меня в дом.

Большой дом, огромный дом, с бесконечными коридорами. Мельком вижу незнакомых людей в гостиной. Раз, два... около десяти, среди брюк и костюмов замечаю два ярких платья.

– Наши гости?

Яр как-то странно смотрит на меня, но кивает. А я только сейчас замечаю, как он красив в темно-синем костюме, в белой рубашке, и как легко он меня несет. Мы проходим с ним дальше, то есть, Яр проходит, а я, получается, проношусь. Витая лестница с коваными перилами, второй этаж, комната, в которой я лишилась девственности. Мой страх отступает, а дыхание выравнивается, переходя из судорожного в глубокое. Яр опускает меня в кресло, заставляет выпить воды с лимоном.

– Как ты?

В его голосе действительно слышится забота.

Как замороженная, смотрю на костюм, поднимаю взгляд к вороту – хорошо, что без галстука, отмечаю, и поднимаюсь к шее, скулам, прикасаюсь мысленно к волосам и... Вдох, и Яр прикрывает глаза, вдох – и чувствую ментальную ласку. Темный взгляд начинает с моей головы, медленно переходит к бровям, на миг застывает на светлых ресницах и стрелой устремляется ниже.

Ниже!

Инстинктивно сдвигаю ноги, но мое тело предательски подается вперед. Не удерживаюсь от еще одного вздоха.

Как я?

На грани или даже за ней, нужен только толчок, а Яр словно не замечает моего состояния.

– Мы опаздываем? – Я хочу, чтобы он сказал "нет", чтобы внушил, что у нас куча времени для прогулок по грани. Сейчас. С ним. Сплетаясь пальцами рук и ног.

– Меня волнует не то, что мы можем опаздывать. Будут ждать. Как ты?

Пылаю, горю, тону – все одновременно и сразу. Хочу и боюсь, что заметит. Наверное, у меня легкая форма зависимости, хотя странно: я ведь не влюблена.

– Лучше, – но мой голос глухой, чуть надрывный. – Кхм, спасибо, что беспокоишься, а мое платье...

– Ты можешь переодеться в свои джинсы и майку. Другого, прости, пока нет.

– Если я приведу его в норму, его можно вернуть в магазин?

Яр запрокидывает голову и смеется, а я признаюсь себе: чуточку влюблена, но не в него, а в его смех, улыбку...

Он садится на корточки передо мной, и объяснения кажутся лишними. Он не станет заниматься возвратами: что для него цена одного платья? Трата времени, да и только. И мои подозрения кажутся глупыми: не может быть, чтобы платье висело на вешалке в моем ожидании. Его пошили не за ночь, размер мог не подойти, я могла не согласиться выходить замуж, или у меня могло, как у Ларисы, пылиться в шкафу готовое свадебное платье.

Нет, это просто моя башня страха, у меня есть плохая привычка их строить.

Моя ладонь самовольно тянется к лицу Яра, поднимается от подбородка к вискам, исследует лоб, пропускает сквозь пальцы длинную челку. Я делаю все, что минуту назад с ним проделывала ментально, но сейчас ощущения четче. Он так близко, что ментоловое дыхание ласкает лицо, а запах одеколона с древесными нотками дразнит ноздри. Глубокий вдох, и я чувствую приглушенный, но все-таки уловимый запах сандала. Мм, выгибаюсь довольно, как кошка, трюсь лицом о его лицо – с одной стороны, с другой.

Яр, закрыв глаза, доверчиво склоняет голову на бок, но улыбкой подначивает продолжить. Хорошо, меня уговаривать не придется: мой язык пробегает по его подбородку к ушной раковине, зубы легонько сжимают мочку. Кто сказал, что у мужчин одна эрогенная зона? Так же ввали, как и про феерические оргазмы во время фрикций.

Мой язык ползет к шее Яра.

Стон.

Его или мой? Расстегиваю одну пуговицу рубашки, и язык удлиняет влажную дорожку. Расстегиваю вторую, тяну вниз, и язык пляшет танец без названия от ключицы к ключице. Мои руки вцепляются в его волосы, привлекая к себе. Ближе, ближе... Мой язык пляшет возле его губ, не вторгаясь. Попытался поймать – не вышло. Вздых. Теперь уже точно – его.

Я ликую, я разрываюсь от страсти на части.

Мой любовник. Мой первый, единственный, самый лучший.

Для меня он загадка, он слишком красив и богат для меня и я бежала бы прочь, если бы успела влюбиться. Не чуть-чуть, как сейчас, а серьезно, по-настоящему. Да, бежала бы, потому что боюсь в любом ее проявлении. Но пока мы на равных, с ленивой прохладой в сердцах. Рискну. Может, после, когда рисковать перестану, в моем шкафу тоже будет пылиться белое платье. А пока...

Не сдерживаю стоны разочарования, когда Яр отстраняется. Он идет к двери, говорит с каким-то мужчиной, который пытается меня рассмотреть, а до меня, как до медведя в спячке, только доходит, что кто-то стучал. И вообще вдруг вспоминаю, что носом шла кровь и что я, наверное, испачкала Яра, а сейчас этот мужчина увидит и...

В общем, настроила новую башню, а когда Яр вышел из комнаты, оставив меня, башня так выросла, что грозилась свалиться кому-нибудь на голову.

– Любишься садом?

Обернувшись, ловлю поцелуй и присматриваюсь: на рубашке и пиджаке крови нет. Уже легче, еще один поцелуй и осталось совсем немного до второго дыхания. Между поцелуями спрашиваю, что скажут его друзья, если я буду в джинсах.

– Вздыхнут с сожалением, что не в пеньюаре.

– А по правде?

– По правде? – Его улыбка ужасно заразительна. – Поздравят, подарят подарки, разъедутся по делам, а к вечеру сами переоденутся в джинсы. Думаю, с брачной ночью мы справимся сами. Ну что, ты мне все-таки скажешь, как себя чувствуешь?

А ведь, действительно, я так ему и не ответила. И как он вспомнил? Хотя, он, наверное, и не забывал, ему ведь нужно знать: будет ли на его свадьбе невеста? И если будет, то в чем?

Ну выбора нет: все-таки джинсы и майка. Надеюсь, Яр не медийная персона и снимки не просочатся в прессу, потому что если их увидит моя бабушка...

Вспомнив о ней, вспоминаю, что никому из родных не сказала о свадьбе!

– Пятнадцати минут тебе хватит? – заметив мою активизацию, Яр предлагает принести себя в жертву заскучившим гостям и служащему загса.

– Я уложусь в пять, но мне нужен твой телефон.

Достает из нагрудного кармана платок в синюю клетку, – надо же, даже платок в тон, – прикладывает мне над губой, убирает обратно в карман. Видимо, запеклась кровь, но как тогда он меня целовал?

– В пять? Интересно.

В момент, когда мобильный переходит в мою ладонь, Яр притягивает меня к себе и впирается в губы. И все сомнения, все напряжение этого дня тают под его натиском.

– Осталось четырнадцать. Все еще много?

Улыбается, видимо, крайне довольный собой, а я вовсе не против. Хочу его. Всего. Хочу сильно, потому что мне кажется, на этот раз у нас все получится... Я смогу...

Прижимаю его к двери – смешок, но сопротивления нет. Расстегиваю пуговицу на его брюках, тяну вниз молнию. Запах сандала усиливается – аха, смешивается с запахом его возбуждения, и вот уже не он – я спиной подпираю дверь, и его рука у меня под платьем. Я дышу поцелуями Яра, живу его ласками, извиваюсь, притягиваю к себе, и совсем чуть-чуть остается до звезд, когда все заканчивается...

Снова не вышло...

Снова...

Теплое дыхание щекочет мне шею, но вместо улыбки накатывает грусть. Странно почему грусть, а не отчаяние.

У меня ничего не вышло, а я, дефективная, еще собираюсь замуж?!

– У нас все получится, – шепчет Яр, вынуждая смотреть в глаза. – Обещаю.

Второе за день обещание, но я почему-то верю.

– Теперь действительно осталось только пять минут. Не задерживайся. Я жду тебя внизу. Жду, слышишь?

Я позволяю себе несколько раз мысленно повторить его последнее слово: "жду" и отбрасываю неудовлетворенность и страхи прочь. У меня почти получилось, за два дня практики это немало, тем более что многие живут без оргазмов всю жизнь. Яр обещал, а телу просто нужно привыкнуть к новым для него ощущениям.

Звонок родным, путаное объяснение, что встретила хорошего парня, и мы с ним решили попробовать. Папина угроза, что он там кому-то попробует. Мои еще более путанные повторные объяснения и отговорки, почему не сказала, что расписываемся. Не стала пугать их историей нашего с Яром знакомства, сказала, что это было как вспышка, и в чем-то не солгала.

Бабушка приняла весть философски, сказала, что в нашем роду отродясь старых дев не было, в общем, одобрила, даже не видя зятя.

Я уложила в четыре минуты, за минуту сменила платье на джинсы, несколько секунд чтобы собрать волосы в хвост, – с распущенными жарко, – и на выход, туда, где ждут. О гостях стараюсь не думать. Я иду не к ним, а к Яру, и замуж выхожу не за них, и мне безразлично, что они обо мне подумают. Но все равно ли их мнение Яру?

К последней ступеньке скисаю, как помидор в горячем рассоле, и неудивителен тихий вопрос жениха:

– Тебе действительно лучше?

Выдавливаю из себя улыбку. В голове дна мысль: вырвать руку из его и бежать! Бежать! Но постепенно с теплом ладони любовника мне передается его уверенность, и я могу дышать спокойно, осматриваться и даже различать лица гостей.

– Лариса! – выкрикиваю восхищенно.

Подруга игриво крутится в коктейльном платье передо мной и знакомым Яра, тем самым, что увез ее из бара на машине. Красивое платье, сшито как на нее, но не из ее гардероба – сомнений нет; сомнения только в том крутится она для меня или для Стаса?

Лукавый блеск в глазах и хрипотца, когда я звонила и просила встретить меня, безошибочно указывают на второй вариант. Когда расстанутся, она выплечется у меня на плече, а пока пусть надеется, пусть верит, что этот окажется подходящим.

Не для нее этот Стас. Чувствую, вижу это, но как рыбка в аквариуме – объяснить не могу.

Лариса салютует бокалом с шампанским и подбородком показывает вправо на Яра. Пока я отвлеклась на подругу, его вниманием завладела тихоголосая брюнетка, и льнет к неме, а грудь четвертого или пятого размера бесстыдно лежит у него на предплечье.

Почему он не отойдет? Почему терпит приторно-сладкий запах? Почему что-то шепчет ей, сдвинув брови? Недоволен, но не отходит, а она как змея обвивает его.

Раздражает, и сама женщина-кобра, и ее хриплый смех, и насмешливый взгляд в мою сторону. Мне едва удастся погасить волну раздражения до того, как Яр оборачивается. А что я? Ничего. Стою, жду, улыбаюсь приветливо и чуть смущенно, как полагается наивным невестам, и совсем никого не ревную.

Яр выныривает из-под груди женщины, берет меня за обе руки и становится напротив. Лысый мужчина в явно маленьком на него костюме становится по правую от него сторону, и пока я в замешательстве смотрю на него и его блокнот, Яр озвучивает мои подозрения:

– Сотрудник загса. – И уже говорит ему: – Приступайте.

Но все не так быстро.

Пыхтение за моей спиной, легкий толчок в пятую точку, мол, подвинься, и с левой стороны оказывается темноволосый насуспенный мальчик лет девяти-десяти. Он смотрит с вызовом на Яра, презрительно – на меня, а я смотрю на него в шоке и думаю: это кто... это... это...

– Мой шафер, – снова отвечает на не прозвучавший вопрос, жених. И уже ему: – Ты доволен?

– Не очень, – взгляд мальчика в упор на меня.

И вот я как-то с мальчиком совершенно согласна: одно дело – выйти замуж за незнакомца и совсем другое – за незнакомца с ребенком.

Лариса, как верная подруга, удачно оказывается рядом, потеснив женщину-кобру.

– Справишься, – шепчет она, качнувшись на каблуках, и я понимаю, что в обморок лучше не падать. Наоборот, надо стать так, чтобы если Лариса качнется сильнее, успеть подхватить любительницу шампанского.

Служащий загса начинает торжественную речь. Лариса зевает мне в ухо. Яр улыбается, словно действительно счастлив, а мальчик не оставляет попытки убить меня взглядом. А что я? Пытаюсь не передать зевоту Ларисы дальше, улыбаюсь бесстрашно Яру и отвечаю взаимностью мальчику одновременно.

– Подождите, – прерывает служащего Яр, и тот с готовностью замолкает. Мол, сам устал, спасибо, что дали отдышаться. Вытирает лысину платком – кстати, платок в синюю клетку, – в один глоток осушает бокал с шампанским, а меня так поражает платок и его поведение, что я на время забываю о мальчике.

– Задавай сейчас, – Яр ласково прикасается к моему лицу, и повторяет, видя мою растерянность. – Задавай сейчас, лучше все выясним сразу.

И то ли жара, то ли присутствие женщины-кобры, то ли упрямый взгляд мальчика заставляют сморозить глупость. Жених прервал церемонию, видя, что я в сомнениях, дал время все выяснить, а я на полном серьезе спрашиваю: почему у служащего такой же платок, как и у него?

Пока Яр и гости смеются, я успеваю прийти в себя и задать действительно важный вопрос.

– Ты был женат?

– Да.

Больше вопросов нет, все понятно, мальчик – его приданое. У меня и такого нет.

– Продолжайте, – киваю служащему загса.

Он недоволен, что его отрывают от второго бокала, но кряхтит и вновь берет в руки блокнот, считывая с него напутствия молодоженам.

– Нет, постойте, – прерывает невнятную речь Яр.

– Передумал? – улыбаюсь ему.

– Боюсь, что недоговоренности заставят передумать тебя, – возвращает улыбку и строго смотрит на мальчика. – Представишься или опять все делать мне?

В темных глазах мальчишки мелькает нечто такое, от чего мне становится его жаль. Рука тянется к его темным волосам, но мальчик делает шаг в сторону и ошетиливается еще больше.

– Егор, – цедит сквозь зубы.

– Злата, – почти в том же тоне говорю я и зарабатываю ухмылку.

– Брат, – уже не так зло.

– Невеста, – уже почти мягко.

И мальчик мне улыбается.

– А ты, оказывается, бываешь красивым, – говорю я.

– А ты, оказывается, не всегда истекаешь кровью, – говорит он.

И мы улыбаемся одновременно, а мальчик снова подвигается ко мне ближе.

– Сегодня кто-нибудь женится?!

Возмущение служащего гаснет под нашими взглядами, но подействовал, наверняка, только Яр, а мы так – для массовки. Церемония возобновляется, но я почти не вслушиваюсь в лепет слов, одинаковых для миллионов пар.

Мне кажется, наша пара не такая, как остальные и семейная жизнь у нас будет не такой, как у остальных, банальной, постной, приправленной бытовыми проблемами.

Заикаясь, но служащий дочитал свою речь. Нам позволили поцеловаться, но мы при гостях только соприкоснулись губами и сразу перешли к прослушиванию поздравлений и пожеланий, сбору карточек вместо сервизов и утюгов.

– С тебя шуба за такое знакомство, – вздыхает на прощанье подруга.

Гости тянутся к выходу, и вот мы вдвоем.

В нашей комнате.

Ступаем в новую жизнь по белому ковровину. И я с каким-то пугающим отчаянием вдыхаю сандаловый запах своего мужчины, еще не зная, что в наших отношениях будет такое разнообразие специй, что я буду просить небеса о постном. А самой сладкой из них для нас окажется соль.

Глава № 4

Первая брачная ночь... Но по сути для нас с Яром – вторая.

Он давно спит, а я, положив голову и руку ему на грудь, смотрю на свое кольцо, массивное, золотое, с пузатым желтым бриллиантом, подмигивающим лунным светом.

Я замужем. Нет, не так так... Я за мужем. И не нужно быть ясновидящей, чтобы определить, кто в семье из нас главный. Мой муж (странно звучит, непривычно) для власти рожден, он словно соткан из ее властных нитей, а меня пугает ответственность за других. Проще сделать самой, чем поставить задачу, проще взять удар на себя, чем подставить, проще подставиться, чем просить прикрыть.

Я вообще не помню, чтобы кого-то просила, разве что...

– Пожалуйста... пожалуйста, Яр... Не могу больше... еще... пожалуйста...

Сердце ускоряет ритм от воспоминаний, а мне до сих пор не верится, что это я... Нет, то, что противоречиво – на меня похоже, есть во мне двойной знак, хотя и не явный, но чтобы просить...

А память, хитро оскалившись, показывает вырванный из вчерашнего кадр. Мы с Яром одни, в нашей комнате, свадебные тосты остались за дверью, – ступаем по белому ковролину, ступаем, ступаем, пока я вдруг не взлетаю.

– Что ты делаешь? – взвизгиваю от неожиданности на руках Яра.

– Традиция. Забыл сделать это раньше.

– Не забыл, – обвожу пальцем дугу светлых бровей, намекая на свое первое появление в доме.

– Это другое, – отмахивается и вопреки моим ожиданиям, садится в кресло, поворачивает меня так, чтобы я видела сад, и какое-то время мы молча смотрим в распахнутое окно. Меня удивляет, почему мы сидим в доме, если сделать два шага – и вид откроется значительно лучше, но потом вспоминаю об охране, о камерах и понимаю, что ему хочется немного побыть вдвоем.

Откидываю голову ему на плечо, прищурившись, скольжу взглядом по красным цветам, и замечаю, что вон та клумба, правее, похожа на алую простынь в кровати Яра. Оглядываюсь, чтобы сравнить, и попадаю в ловушку насмешливого взгляда.

– Не терпится, мм?

Смутившись, ляпаю первое, что приходит в голову:

– А как называется такое окно в пол?

– Французское.

– А почему в саду цветы только красные?

– Я уже говорил, вспоминай.

Хмурюсь и наконец отвечаю сама себе:

– Потому что ты любишь красный.

Зарабатываю поцелуй-бонус.

– Только красный?

Хмурится как я секунду назад.

– Нет, еще золотой, – накручивает на палец мою прядь, заглядывает в глаза. – И... серый? – Его палец кружит возле моего соска. – И бледно-розовый. – Майка ползет вверх, а взгляд Яра спускается. – И белый, с кружевами.

Мой слабый протест, что нет цвета "белого с кружевами", заглушается алчущим поцелуем. Он прав, мне не терпится повторить, потому что несмотря ни на что, нравится близость с ним. Нравится прижимать бесстыдно к себе, прижиматься к нему и стонать ему в губы, и

впитывать его стон, и прокручивать позже в памяти, вот как сейчас, когда он не видит, как снова горят мои щеки...

Он спит, а мои пальцы рисуют узоры на его груди.

Мое тело еще хранит отблески страсти, что мы разделили. Полет, ощущение легкости, взрыв под натиском его языка... это было прекрасно, великолепно, вот только чувство незавершенности не покидало.

Понравилось, но...

Жаль, что опять было "но".

Он сказал, что неважно, сказал, что продолжим пробовать, но уже завтра, сказал, чтобы я помнила его обещание. Я помню. И конечно не откажусь пробовать, много, часто, как скажет, не могу им насытиться... когда-нибудь... возможно... когда мы станем бабушкой с бабушкой... Но пока мы усердно работаем, чтобы у нас появились дети... Для начала хочу одного, а потом... остановимся, когда скажет Яр.

Успокоенная мерным дыханием, подтягиваюсь чуть вверх, пристраивая голову на плечо мужа и падаю в дрему без сновидений. Выныриваю из нее, когда солнце в зените. Первым накатывает осознание, что в постели одна, потом нос улавливает аромат жасминового чая, и не лжет – на журнальном столике стоит расписанная маками чашка, рядом глазуренный сыроч.

Откуда Яр знает о моих привычках?

Нахожу ответ рядом с подушкой: "Да, чай жасминовый. Да, сыроч ванильный. Не спрашивай, ты знаешь. Мне пора, буду поздно. Макар тебе все покажет. Целую тебя сама выбери куда..."

Чай горячий, словно заварили минуту назад, вкусный, приятно обжигает небо. Вот оно, утро замужней женщины, размышляю под расправу с ванильным сырком. Непривычные к гимнастическим нагрузкам мышцы немного ноют, подтверждая, что не приснилось – спала не одна, и уснула не сразу. Бриллиант отбрасывает лимонные блики – да, замужем, не сомневайся. Ванная, которую можно смело сдавать квартирантам, приветливо распаивает двери: мужской шампунь, крем для бритья, мужская бритва – выбирать не приходится, пользуюсь тем, что доступно. Волосы сушу полотенцем, а не феном, мне кажется, они никогда не были такими пушистыми. Лицо немного сушит от недостатка крема, рискую с экспериментом и теперь ментолом пахнут не только мои ноги. Холодит, бодрит, день пережить можно.

Разнежившись, облачаюсь в многострадальные майку и джинсы и взяв с собой назначенного мужем проводника, еду к Ларисе за вещами.

Как-то я не учла, что день и вокруг могут собраться люди, а сумки у меня старенькие, пластмассовые в клетку. Утешает одно: клетка бело-красная, так сказать, в любимой цветовой гамме Яра. Пытаюсь схватить хоть одну, вынести к машине, но водитель опережает.

– Это моя работа, – и смотрит так, будто я его увольняю.

Приходится бездельничать и в дверях квартиры болтать ни о чем с подругой. Ну это я думаю, что ни о чем, а у нее на меня планы.

– Привыкай, – науськивает и подмигивает многозначительно. – Ты теперь из богатых, а они с авоськами не бегают, не солидно.

– Это не авоськи.

– Ты права, это хуже. купишь кожаные чемоданы и будешь модно путешествовать по заграницам, – мечтательно закатывает цыганские глаза и вдруг пронзает меня решительным взглядом. – Лучше всего путешествовать налегке и с подругой. Мужчина или напьется и пролежит в номере гостиницы или не напьется и тогда и ты пролежишь в номере гостиницы. А с подругой можно знакомиться с архитектурой там, кафешками, меховыми магазинами...

Ну вот, старая песня про шубу...

– Мне пора, – спешу за Макаром и последней клетчатой сумкой.

Лариса снисходительно машет рукой на прощанье, пускает театральную слезу, но я прекрасно знаю, что это временная отсрочка и к вопросу мехов мы еще вернемся, а страдания по одиночеству закончатся спустя минуту после моего отъезда.

Так и есть, обернувшись у машины, вижу ее в окне с телефоном. Машу рукой и прячусь за тонированными стеклами. Так, теперь в агентство недвижимости, написать заявление об увольнении и вуа-ля.

Вуа-ля не выходит.

Директриса уговаривает остаться; видя, что я настроена серьезно, пытается втиснуть меня в рамки путаного законодательства и припугивает двухнедельной отсрочкой. Я не лучший сотрудник, но и не худший, надо – делаю, но если я соглашусь, мы обе ничего не выиграем. Я просижу две недели в офисе, и не факт, что буду не просто сидеть, а работать, к тому же, если на меня надавить, принесу липовое заявление от другой фирмы, мол, ждут меня уже, берегут место, и уйду со скандалом, нервами, но по переводу. А жизнь длинная, шарик круглый. Наконец, директриса смиряется и подписывает заявление, она даже улыбается и толкает длинную напутственную речь, но смотрит не на меня, а на бриллиант.

– А кем твой муж работает?

Так и хочется огрызнуться, но делаю лицо и загадочно улыбаюсь. Думаю, мне положен Оскар, потому что я не играю, я действительно ничего не знаю о своем муже! Ну кроме имени, отчества, фамилии и адреса, по которому он в данный момент проживает. Как в школе говорили: в уме плюсюю один? Я в уме плюсюю икс, потому что помню фразу о нескольких квартирах, на одну из которых он хотел привезти меня.

Для чего ему несколько?

Или правильной задать вопрос: для кого?

Настроение рушится под башней, которую я ловко и главное очень быстро снова сооружаю. Когда выходим из машины, я прошу водителя отнести сумки в мою комнату, но оставляю их не разобранными у порога. Нет сил, нет желания что-либо делать.

На минутку ложусь в кровать, но едва голова соприкасается с подушкой, слышу как приоткрывается дверь и кто-то входит.

– Тебе никто не говорил, что прежде чем лечь спать, нужно снять верхнюю одежду?

А по закону подлости входит тот, кому я в этом доме меньше всего нравлюсь.

Тихие шаги, кровать прогибается у подножья. Я лениво приоткрываю один глаз: мальчик сидит на краешке, того и гляди навернется, а смотрит хозяином.

– Тебе никто не говорил, что прежде чем зайти в чужую комнату, нужно постучать в дверь?

– Это комната моего брата, – сопит ежиком.

– Пусть так, но с недавних пор я здесь тоже сплю.

Глаза Егора так и сверкают темными звездами, а следующая фраза сочтется ехидством:

– Рассчитываешь надолго?

– А ты рассчитываешь, нет?

– Ага, – и счастливо улыбается.

Нет, я за мир во всем мире и дети – цветы в жизни. Наверное. Я только против мира за мой счет и на дух не перевариваю кактусы.

– Родители явно перестарались, когда учили тебя никогда не врать.

– Не лгать, – поправляет машинально, и улыбка его скисает.

Так, что-то связано с его родителями. Надеюсь, они живы и я перестану чувствовать себя без вины виноватой.

– Так и будешь валяться весь день?

– Лежать, – поправляю его и не рвусь отвечать.

Подумав, мальчик принимает поправку, но на своих условиях.

– Так и будешь лежать в верхней одежде на чистой постели весь день?

– Я же сняла обувь, – отмахиваюсь и зарабатываю улыбку. – А ты так и будешь сидеть у меня в ногах, пока я не встану?

– Больно надо, – огрызается и кряхтя, как старичок, встает. – Хочешь экскурсию по дому?

– Мебель рассматривать?

Хихикает, и слишком серьезное лицо сменяется детским. Подвох в чем-то есть, даже не сомневаюсь, но иду следом, хожу терпеливо из комнаты в комнату, но без интереса. Сюда бы Лариску запустить – было бы визгов, восторгов, она бы постаралась отстать от гида и в одной из комнат хоть на несколько дней затеряться. Тем более что гид неразговорчив, сам себе на уме, а комнат великое множество.

Первый этаж осмотрели. И, собственно, что я могу объективно сказать о доме? Белая остроконечная громадина, которой он представляется снаружи, не изменяет себе изнутри. Много светлых тонов, но ничего лишнего, не знаю модерн это или минимализм или это вообще одно и то же. Мне больше всего нравится кухня, хотя я и не любитель готовить, просто уютно там, домашнему, и улыбчивая повариха чем-то похожа на мою маму. Ямочками на щеках, наверное, и большими глазами. Во мне просыпается любопытство – какой из себя доктор, которому она нравится? Но видется я с ним не жажду и рада, что избежала прошлой встречи. Когда-нибудь, просто так, за чаем и пирожками...

Второй этаж, как и первый, осматриваем в молчании, хочу вернуться в нашу с Яром комнату и начать разбирать вещи, но иду следом за мальчиком.

– Почему ты не в школе?

– Я обгоняю школьную программу, – поясняет не оборачиваясь. – Таких не любят, поэтому я занимаюсь экстерном и не со школьными учителями. Все задания на сегодня я сделал.

Мне слышится обида, но мальчик равнодушно добавляет:

– На следующий учебный год я все равно уезжаю в Англию. Нет смысла привыкать к кому-нибудь постороннему.

Вот теперь оборачивается и очень внимательно смотрит на меня, прежде чем открыть следующую дверь.

Я ничего не знаю о нем, я даже не знаю, где его родители и как их зовут, и мне стыдно немного, что пыталась воевать с мальчишкой. Чувство вины растет и вот я едва не кусаю локти.

– Входи.

Зрительный контакт обрывается, и локти мне благодарны. Егор смотрит в окно, я – на стол, ноутбук и два противоположных друг другу кресла. Смежная комната с нашей оказывается кабинетом Яра. Шкаф с документацией, на одной из стен огненная картина с апокалипсисом, а мой взгляд приклеивается к песочным часам.

Прохожу вглубь, понимая, что лучше выйти, что вряд ли мое присутствие здесь понравится хозяину, но ничего не могу с собой сделать. Как замороженная, смотрю на песочные часы на полке. Почему они здесь? Как часть интерьера или Яр что-то действительно измеряет ими? Застыли, кажутся мертвыми, но стоит перевернуть колбу...

Маленькая рука протягивается и переворачивает, и я слежу за повеселевшими песчинками. Улавливаю какой-то звук, но не могу оторваться от созерцания. Мне кажется вдруг, что они отмеряют что-то важное, что-то важное именно для меня.

Последняя песчинка падает на своих сотоварищей, а я, оглянувшись, обнаруживаю, что в кабинете одна. Первое, что приходит в голову – ловушка, дверь закрыта и мне придется провести здесь весь день, пока не вернется Яр. Но тут же успокаиваюсь, заметив полосу коридора.

Егор просто ушел? В этом и заключается подвох? Странно, неужели он думает, я не найду дорогу в соседнюю комнату? Оглядываясь напоследок, замечаю, что верхний ящик стола выдвинут. Ну конечно! Он открыл его, а Яр подумает, что это я копалась в его вещах!

Решительно задвигаю ящик.

– Тебе что, не интересно, что я хотел тебе показать?! – Мальчик стоит в дверях и смотрит на меня как на предателя.

– Я буду рада, если ты считаешь нужным показать мне что-нибудь свое, – говорю ему.

Егор не сдается так просто, стоит в дверях – не отпихивать же, смотрит то на меня, то на стол, потом предпринимает еще одну попытку.

– Там рисунки.

Я молчу.

– Красивой девушки.

Я все еще молчу.

– Которая очень нравится моему брату.

Я не знаю, почему все еще молчу.

– Он сохнет по ней уже несколько лет!

Молча отодвигаю мальчика в сторону, и иду в смежную комнату, удивляясь сама себе, что не отодвинула плохиша раньше. Берусь раскладывать свои вещи по полкам, и сажусь на ковролин в раздумьях. А какие полки мои? Могу ли я занимать их?

Я думаю о полках, о своих дешевых вещах, которые дико будут смотреться рядом с дорогими вещами Яра, я думаю о чем угодно, только бы не думать о рисунках неизвестной девушки. Соблазн манит пойти и проверить, есть ли они там, и если есть, посмотреть на ту, по которой сохнет такой мужчина, но... Интуиция советует этого не делать.

Вещи пока оставляю в покое, расставляю баночки с кремами и прочими необходимостями в ванной. Красота какая, и зубной щетке Яра уже не так одиноко. Переодеваюсь в бриджи и топ, кое-что закидываю в корзину с бельем. Вот выделит муж мою территорию – тогда смело разберу остальное!

Но когда Яр приходит, не успеваю заговорить с ним об этом. Ужин в компании мальчика – и вот одни, как оголодавшие звери, набрасываемся друг на друга, примериваясь, чем бы полакомиться в первую очередь. Меня привлекает в нем все! А у него есть любимые блюда...

– Яр, – интересуюсь гораздо позже, чуть отдышавшись, – а где родители Егора?

– Там же, где и мои, – отшучивается.

– А по правде?

– Не вру, хочешь – перекрещусь?

– Твой брат тебя бы поправил, что правильно говорить "не лгу".

– О, у вас состоялось близкое знакомство, – с интересом переворачивается ко мне.

Он ждет, что я начну рассказывать в подробностях, но я не хочу говорить, что мы были в его кабинете. Вот сейчас я ничего не хочу знать о той девушке, рисунки которой он хранит, поэтому кратко говорю, что ходили по дому.

– И как тебе дом? – глаза лукаво поблескивают, кажется, будто читает мои мысли.

– Большой. Красивый, – добавляю, подумав.

– Похож на дом, о котором ты мечтала для себя?

– Нет, – отвечаю совершенно честно. – Слишком большой.

– И красивый? – Смеется, прижимая меня к себе. – А я похож на мужчину, о котором ты мечтала?

Он становится абсолютно серьезным, а я теряюсь и прячу взгляд у него на груди, и вообще чувствую себя так, будто шаг в сторону, и оступишься, а внизу... никого.

– Я хочу быть не просто твоим первым мужчиной. Я хочу быть твоим мужчиной, Злата. Но если честно, я не знаю, примешь ли ты меня всего.

Меня пугают его слова, кажется, будто кто-то перевернул песочные часы и отмерил нам время, и если мы не успеем...

Прижимаюсь к нему. Вжимаюсь в него. Обхватываю ногами, перекатываясь сверху.

– Мы уже пробовали, – шепчу, спускаясь поцелуями ниже пупка, – ты помещаешься весь, без остатка...

Мы оба знаем, что он имел в виду совершенно другое, а я избежала ответа, но когда я спускаюсь еще ниже, а его ладонь надавливает мне на голову, это перестает иметь хоть какое-то значение.

Мы едины...

Мы отдаемся друг другу и страсти...

Спустя время, удовлетворенный, он рассказал о своих и Егора родителях. Ничего тривиального, так часто бывает в состоятельных семьях: у них своя жизнь, детей обеспечили и оставили. К тому же, Яр давно жил отдельно, а Егор в следующем году уезжает в Англию. Нет, не к родителям, они в Нидерландах, просто в Англии он получит достойное образование и зеленый билет в будущее.

– У тебя тоже такой билет?

– У меня золотая карточка с рождения, – снова отшучивается, как всегда, когда не желает отвечать.

– А Егор хочет ехать?

– А что его здесь держит?

– Ты?

Вздыхает, и я думаю, что промолчит или снова отшутится, но слышу едва различимо и так, будто звук кто-то вырывает силой:

– Я для него такой же чужой, как и остальные.

Ворох вопросов, но не решаюсь задать. Не сейчас. Не все сразу. Утешительно ласкаю грудь мужа и чувствую, как проваливаюсь в сон, и поцелуй чувствую, утешительный, для меня, и так же, как несколько минут назад, слышу сдавленный голос Яра:

– Эта девушка...

Задерживаю дыхание. Сейчас он скажет, что никаких рисунков нет или что все это в прошлом или что его брат – фантазер...

– Забудь.

Я лежу у него под мышкой, стараюсь не выдать себя дыханием и усиленно машу ресницами, несмотря на то, что слез никто не увидит. Но когда горячая капля все-таки сползает, ладонь Яра прикасается к моей щеке, уничтожая предательницу. Жаль, что так же просто я не могу расправиться с ревностью, изъедающей меня острым перцем, и диким желанием увидеть лицо незнакомки.

А что, если завтра...

– В моем кабинете видеокamеры, – вовремя предупреждает Яр.

Но как он догадывается о моих замыслах?!

Лежу, думаю, голова пухнет, ни одной светлой мысли, зато совсем забываю, что собиралась поплакать.

– Все? Добрых снов, – муж переворачивается на бок, я прижимаюсь к его спине и имела я в эту минуту незнакомую девушку с рисунка! Он мой и со мной, а что было и было ли, меня не касается.

– Добрых снов, – желаю абсолютно искренне и засыпаю с улыбкой.

Глава № 5

Утром я обнаруживаю жасминовый чай, ванильный сырок, новую записку с поцелуем и пропажу всех своих сумок. Какое-то время, пока пью чай, в ступоре рассматриваю угол, в который их временно определила, но чуда не случается. Их все-таки нет. Теперь я заложник бриджей с топом и немногочисленных вещей, брошенных вчера в корзину.

Что делать?

Не люблю носить одно и то же несколько дней, но утешаюсь хотя бы тем, что по старой привычке постирала свое белье на ночь. Итак, одна из рубашек Яра заменяет мне платье, его ремень – пояс, но все равно это не выход. Преодолев смущение, спускаюсь вниз. Заметив Макара в коридоре, машу рукой, но быстро протискиваюсь на кухню.

– Ой, а у меня сырники готовы, будете? – Повариха радостно всплескивает руками при моем появлении и не дожидаясь ответа, начинает суетиться. На столике появляется тарелка с ароматными сырниками, бадья со сметаной и чашка с зеленым чаем. Чай я беру, мне так легче настроиться на разговор, на сырники только посматриваю – чай с прикусой, как говорит моя бабуля.

– Мне бы, – сообщаю, нахлюпавшись и разомлев до задушевного состояния, – позвонить мужу.

– А что, – подмигивает повариха, – хорошее дело вы придумали, Злата Юрьевна.

Морщусь, но оставляю как есть – наверное, здесь так принято, хотя повариха и старше меня раза в два, а по отчеству.

– Дело-то, – говорю, – хорошее, но вот номера мужа я не знаю.

И тут мы обе смущаемся и в смущении обмениваемся данными. В больших глазах так и виден вопрос, мол, как же это, уже и ночи вместе, и женаты, а номера телефона не знает. Эх, да я много чего о Яре не знаю, но не жаловаться же?

Поднимаюсь к себе в комнату, набираю номер на своем мобильном, но вызов не жму. А если он занят? А если переговоры или встреча, а тут я с пустяковым вопросом о пропаже хозяйственных сумок?

Стук в дверь прерывает мои сомнения.

– Злата Юрьевна, – даже после приглашения водитель остается на пороге, – Ярослав Владимирович сегодня будет поздно, иностранные партнеры приезжают. Сказал, может, вы захотите проехать в "Песок", отдохнуть по-женски?

Я чуть не ляпаю: а как это "отдохнуть по-женски", но водитель поясняет:

– "Песок" – это салон Ярослава Владимировича.

И я нахожу предложение заманчивым, тем более что спросить мужа о сумках можно и в приватной обстановке, вечером. Вбиваю его номер в память мобильного, переодеваюсь – ох – в бриджи и топ, и еду с водителем отдыхать как женщина.

А как женщина-друг, приглашаю с собой Ларису. Она взвизгивает, когда я только произношу "Песок", оказывается, это очень модный и дорогой салон, а здесь пригласительный на халяву, будет что рассказать менее удачливым знакомым, в число которых войдет и директриса нашего агентства!

Мы подхватываем Ларису у подъезда, радость ее фонтанируя, передается, кажется, не только мне, но и водителю. Несколько раз я перехватываю тень его улыбки. Небольшой казус возникает у входа, когда администратор окидывает нас придирчивым взглядом и отворачивается. Лариса смотрит на меня, и мне приходится вздернув подбородок идти в наступление, но меня и администратора спасает появление Макара.

– Это жена Ярослава Владимировича и ее лучшая подруга, – говорит он, а брови администраторши едва не взлетают испуганными птичками.

Вокруг нас суетятся, расточают улыбки и изображают вселенское счастье. Лариса прощает все за массаж стоп, а я про себя дуюсь, хотя стараюсь не подавать вида. Да, я знаю, как выгляжу со стороны: простая девчонка, не обремененная лишними деньгами, и пусть это утопия, хочу, чтобы окружающие принимали меня такой, какая есть. Но если не считать родителей и друзей детства, добровольно принимает меня только Яр, остальным, как администраторше, приходится это делать.

Маски, массажи, маникюр с педикюром утомляют, посматриваю на часы, а они лениво переползают за тройку. До возвращения Яра еще долго и толку спешить в пустой дом? Лариса, пользуясь случаем-безлимиткой, меняет прическу, а мои длинные волосы только моют, обогащают маслами и медовой маской, но стричь не решаются, хотя я и дала согласие.

– Ярославу Владимировичу нравятся длинные волосы, – оправдываясь, говорит девочка-парикмахер и тут же прикусывает язык.

Представляю, откуда у нее такая информация!

– Расслабься, – шепчет Лариса, перегнувшись из своего кресла, – теперь у него ты.

Мне заваривают зеленый чай, безвкусный, не слишком горячий – подозреваю, лично заваривала администраторша, но я его пью. Не могу обидеть человека просто так, все ищу ему оправдания. Вот и сейчас думаю: может, она не умеет заваривать чай, может, на дух его не переносит, а здесь я со своими капризами.

Утомившись сидеть в мягком кресле и окосев от ярких журнальных картинок, подхожу к окну. Июнь играет тополиным пухом, дети объедаются пломбирными рожками, на углу, как в мамином детстве, продают газировку с кружащими осами.

– Я сейчас вернусь, – говорю Ларисе и повинувшись внутреннему порыву, выхожу на улицу. Тепло, можно сказать жарко, и так вовремя эта газировка, что не сдерживаю вдоха удовольствия, когда пью. Сладко, терпко, лимонно-апельсиново, чуть липнут губы, но до чего же вкусно!

– На здоровье, – улыбается продавщица, когда бросаю в урну опустевший стаканчик.

– Спасибо, – благодарю и постояв какое-то время у входа, возвращаюсь в салон.

Лариса крутится передо мной и зеркалами, хвастается и любит новую стрижкой.

– Ты похожа на француженку! – восхищаюсь абсолютно искренне.

– Да ладно! – абсолютно искренне принимает мое восхищение.

Мы выходим из салона под щебетанье администраторши. Так и хочется повернуться и сказать ей, чтобы не волновалась, я ничего не решаю в бизнесе мужа, но Лариса отвлекает вопросом:

– Ты домой?

– А куда?

Уже из окна машины смотрю на расстроенное лицо администраторши, поздно что-то ей говорить, да и ладно: пусть хоть немного простым человеком побудет.

– Подбросите меня в агентство?

– У тебя же отпуск только начался.

– Вот именно, – кивает подруга. – Только начался, еще целых две недели, и кто потом оценит мою новую стрижку. Давай в агентство, а?

Уловив в зеркале мой взгляд, водитель сворачивает вправо. Мы высаживаем Ларису, но не ждем, я знаю, это надолго, и сегодня день для клиентов и директрисы потерян. Машина пристраивается в ряд других, плавно едет по моему новому адресу, а на душе как-то нехорошо.

– Вам не понравилось в салоне.

Я редко слышу голос Макара, потому не сразу осознаю, что это он, и что он не спрашивает – утверждает. Но взгляд в зеркале ищет мой. Пожимаю плечами, молчу. Взгляд его полностью отдается дороге.

Как только машина въезжает во двор и ворота медленно возобновляют оборону, ловлю себя на том, что или перепила лимонада или мне дурно. Ухватившись за дверцу, бросаю тревожный взгляд, надеясь, что никто не заметил. Безуспешно надеюсь, потому что водитель смотрит прямо на меня. Расправляю плечи и иду вперед, я всегда так, чем хуже мне – тем плечи ровней, а подбородок выше. В комнате первым делом распахиваю окна: глотнуть воздуха, свежего, настоящего, не хочу мерзнуть под искусственными потоками кондиционера. Поворачиваю ручку и едва не задыхаюсь от едкого запаха.

Ужас, да что это?! Жареный кот на шашлыки у соседей? Подышала называется свежим воздухом!

Я практически закрываю окно, когда визуальный сигнал наконец до меня доходит. Костер. Действительно, костер. Посреди цветущего сада. Именно он ярко плещется рыжими языками, издавая непереносимую вонь, а рядом с ним сидит маленький мальчик. Сидит, улыбается и смотрит на меня. Его не тревожит вонь, не пугает пламя, ему не жаль моих вещей, которыми он подпитывает огонь...

В оцепенении смотрю, как плавится последняя клетчатая сумка; захлопываю окно. Съезживаюсь в кресле, не отрывая взгляда от двери: надо бы запереть, но не могу пошевелиться. Как маятник раскачиваюсь, а встать не могу. Мне почему-то страшно и кажется только сделаю шаг – дверь распахнется и я увижу эти глаза отчаяния, и не смогу сдержаться, ударю. Больно ударю. А детей бить нельзя, они помнят, и даже если хотят, не прощают.

И страхи мои воплощаются. Как всегда. Бояться нельзя, нельзя! Все страхи воплощаются в жизнь. В приоткрытую дверь просовывается улыбчивая рожица, а темные глаза блестят злостью.

– Уйди, – прошу его по-хорошему.

Хлопает дверь, топот шагов по коридору, но вскоре дверь приоткрывается, и мои страхи развеивает равнодушный женский голос.

– Ох, это надо же! Ох, ну и получит же он от Ярослава Владимировича! Ох, вам плохо? Попейте, это чай, как вы любите. Я как только увидела, что натворил этот мальчишка и что вы приехали, сразу и заварила. А Ярославу Владимировичу уже позвонили, вы не волнуйтесь! Он скоро будет. Не мог раньше вырваться, не мог. Ох, и попадет же этому мальчишке! Он неплохой, вы не думайте, он хороший... Ох, пейте, пейте, Злата Юрьевна...

Чай вкусный и я с благодарностью его пью, несмотря на то, что это уже четвертая чашка и ночью я теперь вряд ли усну. Впрочем, я вряд ли усну после того, что увидела: на клумбе, что так похожа на алую простынь, костер, а вместо дров умирающие цветы и мои вещи...

Теперь я понимаю, почему мне стало нехорошо, едва приблизились к дому. Но страшен не костер и не то, что я лишилась своих вещей, меня бросает в дрожь, как вспомню глаза мальчика: отчаянная ненависть, тоска и бессилие. Слишком знакомый коктейль, чтобы перепутать.

– Где его комната?

Повариха растерянно хлопает глазами и повторяет и повторяет, что мальчик хороший и что Ярослав Владимирович сам с ним разберется, но я все-таки получаю ответ на вопрос. Комната Егора на третьем этаже, куда мы не поднимались – я думала, там чердак. Просторная комната, необъятная комната и совершенно неподходящая для ребенка, пусть даже притворяющегося взрослым. Ни одного плаката, ни одной фотографии, ни одного журнала для мальчиков. Кровать в размерах не уступает нашей, покрывало коричневых расцветок, мрачный, почти черный ковролин на полу, шкаф, стол, диски по иностранному языку и натюрморты на стенах.

– Зачем ты пришла?! – вскидывается зверьком.

Но я иду к нему, сажусь на кровать рядом и спрашиваю:

– Тебе никто не говорил, что прежде чем лечь спать, нужно снять верхнюю одежду?

– Я не сплю! – огрызается и прячет лицо в подушку. Через минуту он оборачивается и бормочет растерянно: – Тебе никто не говорил, что прежде чем зайти в чужую комнату, нужно постучать в дверь?

Ну вот, так-то лучше. Есть контакт. Егор почти улыбается, когда дверь распахивается и в комнату входит Яр. Мне не нужно оборачиваться, чтобы знать это: выдают его запах, его довлеющая надо мной аура, его тихие шаги и мое громкое сердце.

Он останавливается за спиной, кладет руки мне на плечи и сжимает, чуть сильнее, чем приятно, почти больно. Я кладу свои ладони поверх его, и мы оба молчим.

– Я... – голос Егора срывается.

Ни муж, ни я не торопим его.

– Я осознаю, что совершил глупый, детский поступок, не достойный отпрыска семьи Самарских, – на одном дыхании говорит мальчик, но во взгляде что угодно, кроме раскаянья.

– Не в первый раз, – замечает Яр, и глаза мальчика зло сверкают, прежде чем он успевает спрятаться за показным послушанием.

Ого, да у них в отношениях не трещина, а дыра, не хочется, чтобы из-за меня она превратилась в каньон.

– Я все равно не знала, куда разложить все эти вещи.

– Я все равно собирался обновить тебе гардероб, но это не оправдывает Егора, – голос мужа бесстрастен, но плечи мои он сжимает сильнее. – Ты дашь нам несколько минут?

И больше дам, если проблема решится.

Встаю, обнимаю мужа, потому что мне нравится его обнимать и потому, что кажется, мои объятия удержат его от неправильного поступка. Наверное, в моих глазах что-то все-таки отражается, потому что Яр склоняет лицо, якобы поцеловать в ушко, но сам шепчет:

– Я не трону его, обещаю.

И я спускаюсь в нашу комнату и терпеливо жду Яра, но он заглядывает на минутку, поцеловать, сказать, что такое больше не повторится и принести за брата извинения.

– Конечно, не повторится, – соглашаюсь я, – у меня больше не осталось вещей, разве что он захочет выщипать зубную щетку.

Яр расслабляется, видя, что я не затаила обиду.

– Тебе к лицу моя рубашка, – целуя, забрасывает комплиментами. – И мой ремень на твоей талии... Мм, это наводит меня на определенные мысли...

А меня наводит на определенные мысли подозрение: а как он узнал, что я вышагивала сегодня в его рубашке? Только пришел и сразу к мониторам, просмотреть записи за день? Но тогда это как минимум начальная стадия паранойи...

– Вечером, – со стоном отстраняется, посматривая на часы, и уже у порога бросает фразу, которая вводит меня в ступор сильнее, чем заманчивое обещание: – Больше никто в "Песке" не посмеет так с тобой обращаться.

Администраторше взбучка не повредит, хотя, если уж совсем честно, я понимаю, что простым смертным делать в таком салоне нечего, вот она и расслабилась. А мне расслабление поднадоело: походила по комнате, постояла у окна, глядя на сад – о недавнем происшествии напоминает теперь только лысая клумба и остатки едкого запаха; попыталась навязаться в помощницы поварихе, но в итоге была мягко выпровожена с очередной чашкой чая. Вот так люди и спиваются, взгрустнулось, и я сама не заметила, как снова оказалась у двери Егора.

Ну и зачем меня сюда притянуло? Стучу – тишина, но такая, когда чувствуешь, что за дверью кто-то есть. Вхожу. Мальчик сидит за учебниками, но подозреваю, вряд ли что-то в них видит: взгляд сосредоточенный, но пустой.

– Ты что, в профессора готовишься? – спрашиваю и несмотря на его явное нежелание, подхожу ближе. Мальчик сопит, наверное, продумывает очередную пакость.

– Я буду послом, – выдает высокомерно.

– А, ну да, – соглашаюсь, – послы они как раз обучены разжиганию конфликтов.

– Я знаю польский, английский и немецкий! – вскидывается.

– Ого! Как минимум трем державам стоит опасаться твоего назначения.

Захлопывает с силой книгу, упирается кулачками в стол и дышит драконом.

– Ну вот, – говорю я, – о чем и речь. Вместо того чтобы уладить конфликт, ты ведешься на провокацию.

Открывает книгу, захлопывает. Открывает, захлопывает.

– Ты на улицу выходишь, – спрашиваю, притворяясь слепой, – или у тебя прогулки только по саду?

– У меня не так много свободного времени, чтобы тратить его впустую.

– А барбекю из моих сумок? – невинно интересуюсь.

– Я уже извинился!

– Нет, – поправляю, – извинился твой брат. За тебя. А ты просто сказал, что ведешь себя недостойно семьи Самарских.

– И что, этого недостаточно?!

У меня возникает ощущение, что разговариваю с вредным старичком. Вот и понимает, что не прав, а из упрямства и типа – мне по возрасту можно дурь нести, не сдается. И слова подбирает такие, взрослые, а порывы неосознанные, детские.

– Ты действительно хочешь услышать мое мнение?

Он, видимо, сам удивляется, как звучит его вопрос, если переиначить и кивает скорее машинально.

– Я думаю, – осторожно подбираю слова, – что вести себя надо не так, как от тебя ожидает кто-то. А достойно самого себя. Но это в том случае, если у человека есть представления об обсуждаемом нами вопросе.

Егор склоняет голову и смотрит на меня как на говорящую рыбку. Помахать ему, что ли, плавником и уплыть за безопасные водоросли?

– Нет, – говорит он сжато.

– Что нет?

– У меня прогулки не только по саду. Я могу гулять, где хочу и когда хочу, если сделал все задания.

– А что ж ты не стараешься? – удивляюсь. – Сделай все и свободен, а то весь бледный от своих книжек.

– А ты своего ребенка тоже будешь подговаривать отлынивать от учебы?

Невероятно, но происходит обмен улыбками. Неплохой мальчик может из него получить, и может, в будущем станет хорошим послем. Если, конечно, он перестанет хвататься за ненависть, как за спасательный круг, если научится плавать сам, без пинка старшего брата.

– Неа, – говорю я, – буду подговаривать его объесться мороженым в ближайшем парке.

Темные глаза лихорадочно блестят.

– И сладкой ватой, – делаю вид, что ничего не замечаю. – Там еще и газировка вкуснящая! Но, конечно, если он сделает все задания...

Открывает книгу, быстро пробегается по строкам, закрывает, и это прогресс в их отношениях: не хлопает! И вот вижу, что хочет пойти, хочет и газировку, и вату, но молчит. И по большому счету, зачем мне все это надо? Проблемный мальчишка, который терпеть меня не может и ярко это продемонстрировал не далее как час назад, а я сижу рядом, соблазняя его прогулкой и пытаюсь установить контакт. Отчасти понятно, почему рыбки так близко к крючкам подплывают. И раз уж я подплыла...

– Ты все сделал на сегодня?

– Да, – говорит поспешно, но недоверчиво.

– А в парк хочешь?

– С тобой?

– Можешь и сам, но вдвоем веселее?

– Не уверен...

– Как знаешь, – быстрым шагом иду к двери. Прости, Яр, что могла, я сделала. Совесть, прощай, я старалась. И да здравствует парк, мороженое и сладкая вата, потому что я-то сидеть в доме в такой погожий денек точно не собираюсь!

– Эмм...

Оборачиваюсь у порога.

Егор нервно сглатывает и смотрит, как я играю ручкой двери, мол, мне не терпится – что отвлекаешь?

– Я не уверен, что нам вдвоем с тобой может быть весело, – повторяет, будто я туго соображаю. – Но... я думаю...

– Ну-ну? – подталкиваю.

– Я думаю... мы можем попробовать?..

И в глазах столько ранимых чувств, что я на секунду теряюсь.

– Жду внизу, – говорю ему.

Беру в комнате сумочку, уцелевшую по странной случайности, немного наличных, и спускаюсь в холл. Макар, узнав о наших планах, рвется к машине, но я объясняю, что мы хотим прогуляться, а не проехаться. Он внимательно слушает в чем разница и заявляет, что между водителем и охранником, конечно, тоже разница есть, но это не избавляет нас с Егором от его присутствия.

В общем, гулять мы идем под конвоем.

Правда, пока доходим до парка, мне удастся уговорить Макара не маячить тенью за спиной, а идти рядом, не привлекая лишнего внимания.

– Не покрасоваться же идем! – резонно замечаю.

– Ага, точно! – подхватывает мальчик, косясь на мои бриджи. – Сильно ты покрасуешься в этом!

И замолкает под моим многозначительным взглядом, вспомнив, по чьей вине я вышагиваю в таком скромном даже по моим меркам виде. Но если злиться и намекать на одно и то же, так у нас прогулка и закончится немым хождением по дорожкам, поэтому предпринимаю попытку решить вопрос и поставить точку.

– Пообещай, что такая участь не постигнет гардероб, обещанный мне твоим братом и давай уже выберем по мороженому, а то жарко, – выдвигаю предложение, за которое получаю два вопросительных взгляда.

Водитель и мальчик верят в мои миролюбивые намерения так же сильно, как я верю, что это последняя выходка Егора. Но мороженое мы покупаем, и на качелях катаемся, и один из нас прыгает на батуте, крича, как резаный поросенок.

– Это... Это... А можно еще? – подбегает после прыжков.

– Ладно, – легко соглашаюсь, – мне не жалко, если тебе поплохее.

Плачу еще за полчаса и выбираю пустую скамеечку неподалеку. Журнал бы, хоть один из тех, что в салоне... Закрываю глаза, подставив лицо солнышку и наверное, падаю в дрему, потому что когда глаза открываю, Егор сидит рядышком. Согнувшись пополам, рассматривает свои кроссовки и дышит паровозиком.

– А, – догадываюсь, – допрыгался?

Он поднимает бледное лицо, и я поражаюсь, как искренне сияет вымученная улыбка.

– Еще хочешь? – спрашиваю невозмутимо.

– Ты денег, смотрю, не жалеешь, – отдышавшись, говорит он.

– Плохая привычка – считать чужие деньги, – учу плохища жизни.

– Это деньги моего брата и я имею....

- Мои, – прерываю безумную реплику, не дослушав.
- Ты тратила на меня свои деньги? – поражается с кислой улыбкой.
- И на себя.
- После всего, что я сделал?!
- Ну а может, я рассчитываю тебя подкупить? – гашу его панику.

Он застывает с открытым ртом, и вопрос, кто теперь из нас рыбка. Подсчитывает мысленно и неуверенно так спрашивает:

- Подкупить?! За тридцать два пятьдесят?!

А я не выдерживаю и начинаю хохотать.

– Ну да, – говорю, вытирая выступившие слезы, – ты же пока не посол, расценки не в тысячах тугриков.

И впервые слышу, как он смеется, искренне, громко, по-детски. Некоторые прохожие оборачиваются, водитель смотрит недоуменно, а нам все равно хорошо и тепло и вообще...

– Прости меня, – говорит мальчик, а я не строю из себя злючку и не уточняю за что и думает ли он, что за одно слово можно сразу простить.

Киваю.

Можно. Уже. Хочу обнять его, погладить по густым волосам, но не решаюсь. Прикупив по большому шару сладкой ваты на палочке, мы идем неспешно домой. Посигналив, нас объезжает вишневая машина, и пока мы доходим, Яр уже стоит у двери дома, улыбаясь нам.

- Ваты больше нет? – спрашивает.

- Неа! – радостно выкрикивает печальную весть Егор.

А я смотрю на них двоих, таких похожих и разных, в лучах заходящего солнца, и чувствую, как в моей душе поднимается рассвет, а прятаться в тень поздно.

Глава № 6

После сытного ужина Егор, позевывая, уходит к себе в комнату, а мы с Яром сидим в обнимку в гостиной и смотрим, как пляшет огонь в камине. Мне не жарко, несмотря на то, что за окном лето, а у нас камин, настоящий, трепещущий пламенем, и так близко, что протяни руку – обожжет. Думаю, все дело в кондиционере.

Но удивительно, что не возникает плохих ассоциаций из-за недавних событий. Такое ощущение, что все идет правильно, что не было ни пожара, ни запаха от пластиковых сумок с моими вещами, ни пугающего ненавистью взгляда мальчика.

Наверное, потому, что со мной Яр.

Мне уютно с ним, безопасно и вообще... удобно вот так, вертеть в руке бокал с вином, урожая не помню какого года, цедить один глоток в час и наслаждаться аурой силы, чувством защищенности и живым теплом человека, который еще несколько дней назад был чужим, неожиданно вошел в мою жизнь и остался.

Бывший чужой, но теперь мой, по сути и перед законом.

Мой, а я так мало о нем знаю. Все еще мало. Он неохотно говорит о себе, да и то не говорит, а отшучивается. Да, богат, неприлично богат – стерпишь? И смотрит притворно жалостливо, словно из-за денег я могу выгнать его из собственного дома, как кота подзаборного.

– То, что ты богат, мы еще в день знакомства выяснили, – напоминаю ему.

– Ах, ну да, Армани, Стефано Риччи и мои часы с бриллиантами.

Я сижу спиной к нему, но одна из рук Яра обнимает мою талию и я могу еще раз полюбоваться черными камнями на часах.

– Так все-таки бриллианты? – спрашиваю.

– Все-таки я неприлично богат, – улыбается мне в шею, и щекочет дыханием.

Я вытягиваю руку, кручу в свете камина свое кольцо.

– А у меня камень красивей, – хвастаюсь.

Яр отстраняется, настроение его резко падает, и мне приходится быстренько исправлять положение. Поворачиваюсь, целую лицо, целую брови, веки, медленно подкрадываюсь к губам и, чуть помедлив, встречаю потемневший взгляд.

– Кольцо красивое, – говорю снова, несмотря на готовящуюся бурю. – Но ты все равно лучше.

Недоверчиво приподнимает бровь, потом, усмехаясь, откидывается на спинку дивана.

– А, – улыбается довольно, будто впервые собрал кубик Рубика, – это потому, что кольцо одно, а я могу купить таких множество.

Все, снова он король положения, гроза развеивается, не начавшись. Обнимает меня, подливает вино, и опять отшучивается, когда возобновляю вопросы. Да, был женат, да, любил, да, прошло. Как звали? Вот здесь настроение снова меняется.

– Тебе и правда интересно?

– Нет, – отпускаю и эту тему, потягивая вино.

Прошу немного рассказать о родителях, но Яр качает головой.

– Но почему? – удивляюсь я.

– Давай лучше о твоих.

– Моих? Мои самые обычные. Отец – шахтер, мать – строитель. – Он вдохновляется, я почти час болтаю без остановки, но в конце все равно возвращаюсь к началу. – А что с твоими не так?

– Все так, – после длительной паузы сдается, но говорит неохотно. – Умные, образованные, интеллигентные, очень состоятельные. Они дали мне все для успеха в жизни. Если хочешь, они стали моей отправной точкой.

– Ну? – подначиваю продолжить, но Яр зевает. Подозреваю, притворно зевает, потому что обычно он ложится гораздо позже, и засыпает не сразу.

– Ну что еще? – удивляется. – Сейчас они в Нидерландах.

– Отдыхают?

– Живут.

– Давно?

– Года два-три.

– А Егор?

– А Егор живет со мной, строит козни моей жене и вводит меня в траты.

Поражаюсь, как просто он говорит обо всем, потому что если перевести на мой язык, получается, что родители подкинули Яру своего младшего отпрыска, который обходится в копейчку, а сами беспечно так прожигают жизнь. Но больше меня удивляет намек мужа на некие траты.

– А я тоже тебе дорого обхожусь? – спрашиваю, затаив дыхание и мысленно подсчитывая, сколько потратил на свадьбу, а сама делаю вид, что ответ меня мало интересует.

– Конечно, – говорит Яр, и я уже вспыхиваю праведным гневом, когда чувствую поцелуй в шею и слышу смех.

– А, так ты пошутил?

– Ничуть, – дарит еще один поцелуй. – Я докажу тебе позже.

– Как?

– Позже.

– Сейчас.

– Нет.

– Почему нет? – размахиваю, как шпагой, бокалом.

– Я в прокуратуру не записывался, – отбирает бокал, ставит его на столик и все, не подливает, но и не возвращает, хотя вино в нем еще оставалось.

– Ни тайну узнать, ни напиться, – ворчу, но Яра мое недовольство не впечатляет.

– Думаешь, я тебя прячу от своих родителей? – ага, зрит в корень. – Они знают, что я женился, так что нет здесь никакой тайны, а моя работа... У меня есть несколько предприятий, которые приносят доход, я ни у кого не ворую – мне кажется, вот и все, что нужно знать моей молодой жене. Ты же не планируешь пристроить мне резюме по благу?

– А что, можно? – загораюсь я, потому что сидеть дома порядочно притомила и потому, что у меня прекрасное настроение после слов Яра.

Он смеется.

– Я помню, что у тебя высшее образование, в курсе, что ты бойкая, но работать на меня ты не будешь.

– А что я буду делать? – дурачусь.

Задумывается. Серьезно задумывается, потому что молчит минут десять. А потом выдает:

– Хочешь руководить салоном?

– Каким салоном? – спрашиваю, а на душе уже как-то не хорошо.

– "Песком". Там как раз уволилась администратор.

Значит, он не просто поговорил с ней. На душе еще паршивей: не хочу, чтобы из-за меня кому-то становилось хуже. У человека может быть ребенок, которого нужно кормить, или муж, с которым они выплачивают кредит, или... Да масса вариантов, а я не хочу вбивать гвоздь в крышу чьей-то карьеры – как минимум.

– Ты уволил ее из-за меня?

– Я уволил ее, потому что она плохо справлялась со своими обязанностями.

– Значит, из-за меня...

– Значит, ты не слушаешь то, что я говорю, – строго внушает Яр. – На месте тебя и Ларисы мог оказаться совершенно любой человек, да, я мог не узнать, как ведет себя администратор, в обязанности которого входит удерживать и привлекать клиентов, а не выставлять их за двери. Но это оказалась ты и я узнал, вот и все.

– Но ведь сама я вряд ли могла стать клиентом твоего салона.

– Почему? – такое искренне удивление, тогда как ответ очевиден.

– У тебя, знаешь ли, там очень дорого.

– Да? – удивляется еще больше.

– Нет, ну для богемы в самый раз, наверное... я не знаю... но я...

– Надо пересмотреть цены, – выждав, когда я проямлю объяснения, говорит Яр. – Но ты права, салон не для бедных. Бедному человеку проще отращивать косы, – накручивает мои волосы на кулак, – а деньги потратить на продукты. Но он и не для богемы. Это средний уровень. По крайней мере, так изначально задумывалось. Иногда туда приходят барышни, которые не могут заработать даже на семечки, но у них есть тот, кто за все платит. Иногда клиентки в таких диких нарядах, что кажется, только что из рядов сэконд-хэнда, но ты бы, конечно, поняла, что одежда дизайнерская.

– Конечно, – киваю уверенно, – до агентства недвижимости я целых три месяца работала в бутике.

Уловив нотки иронии, Яр улыбается.

– А еще где?

– Много где еще, – так же, как он, напускаю тумана. – Но, думаю, что для молодого мужа знаний обо мне пока хватит.

– Как скажешь, – салютует бокалом, и отпускает мои косы, – у меня свои методы сбора информации.

У него, кстати, бокал, а у меня только он, и я обнимаю его двумя руками, удобно пристроившись на груди.

– Опять будешь пытаться Ларису?

– С этим прекрасно справляется Стас.

И вот мы смеемся вдвоем, и почему-то ни капельки не обидно, что подруга падка на красивых мужчин. Она заслуживает немного счастья, и если я поучаствую в этом пусть даже косвенно...

– А он женат?

– Поздно встрепенулась, ты замужем.

– Да я не за себя переживаю.

– Твоя подруга нигде не пропадет, – уходит от ответа и думается мне, уходит потому, что там не все чисто, а не просто ответить лень. Достая одним и тем же вопросом – держится, прибегаю к опробованному методу с поцелуями – вздыхает, но сдается. – Не женат, но я не думаю, что у него и твоей подруги может быть серьезно.

– Почему нет?

Опять долго отнекивается, пока я не обцеловываю все лицо и не спускаюсь к шее, и вообще я готова спуститься и дальше, но ведь в гостиной камеры.

– Лариса ему не подходит, – утешительно целует в уголок губ. – Стас ищет... такую, как ты.

– Как я? – переспрашиваю, а в горле ком. – Ну да, вам всем подавай по девственнице, а сами!..

– А сами, – перехватывает мои руки, прижимает к своей груди, – а сами делаем все, чтобы не только удовлетворить выбранную девственницу, но и обеспечить.

Он говорит тихо, не повышая голоса, но мне кажется, где-то вдали предупреждающе гремят барабаны. Он поднимается, подходит к камину, он в трех шагах от меня, а мне кажется,

между нами образуются горы и океаны. И так холодно, и так одиноко и так пусто становится, и так плохо... Мне так плохо, что я, подавив стон, сгибаюсь пополам, едва не расквасив нос, падаю на пол и сквозь приступы боли слышу родной, почти потерянный мною голос. Он волнуется, он зовет меня, зовет еще кого-то... Паника... Сильные руки... Мой любимый запах сандала с грейпфрутом... Не хочу его отпускать... Не хочу... Он уходит?..

– Не бросай меня, – не уверена, что он слышит, но снова улавливаю запах сандала и успокаиваюсь.

Мы едем... Нет, меня куда-то несут... Тепло, мягко, и так плохо... Так плохо, что... Ох, нет... стыдно...

– Уйди, – прошу его, но он рядом.

Спазм скручивает меня вновь, и я обнимаю холодную миску, пытаюсь приложить ее ко лбу. Кажется, у меня температура. Кажется, я умираю. Кажется, я как Винни-Пух, переела, а теперь вот чуточку спухла... только куда меня не несите больше, а то мне все еще дурно...

– Уйди, не хочу, чтобы ты видел...

И падаю в забытие, и знаю, что не уходит, держит за руку, кому-то настойчиво звонит и очень зло говорит в трубку. Оставляет в покое невинный телефон, чем-то прохладным обтирает мое лицо, и дышать легче. Постепенно в мой мир врываются голоса, и я могу различать их, и даже понимаю, о чем речь. Вот голос Яра, а вот кого-то незнакомого мне, кто садится на кровать, чем-то тарактит, дает что-то выпить и долго молчит. Так долго, что я успеваю вздремнуть, потому что когда открываю глаза, незнакомца в комнате нет. Только Яр, окрашенный заходящим солнцем, и он так обвиняющее на меня смотрит, что натягиваю плед по самые глаза и подсматриваю из убежища.

– Больше никогда... – говорит он, не приближаясь и совсем не зло, а скорее взволнованно. – Больше никогда не пей на улице сладкую газировку! Обещаешь?

Киваю, поражаясь, как догадался, что буду молчать, пока он отдает приказы.

– А что, доктор приходил, да?

– Да.

– Повариха рада?

Я так хитро улыбаюсь, что Яр прекращает хмуриться.

– Я не проверял, но не слышал, чтобы доктор вышел из дома.

– Еще бы! – хихикаю, но вижу, что Яр невозмутимо серьезен. – А как бы ты, интересно, услышал? Ты же, по-моему, и не выходил из комнаты.

Он ждет, пока меня осенит, и я пытаюсь оправдать ожидания. Так, подумаем, камеры в нашей комнате нет, поэтому остаются "дятлы", которым не лень постукивать даже о моем платье.

– Спи, – предлагает Яр.

– Мне кажется, я уже выпалась. – Пытаюсь подняться и он тут же оказывается рядом, смотрит с немым укором в глазах, что сама не замечаю, как начинаю оправдываться: – Хочу помыться и зубы почистить.

Поднимает на руки, а взгляд предупреждает – только попробуй поспорить! Терпеливо молчу даже когда включает воду, раздевает меня, а пока чищу зубы, опускает в пенную ванну и раздевается сам. И вот здесь я тоже молчу, но терпение мое на исходе.

– Поторопись, – прошу его хрипло.

– Я уже мылся, – говорит он. – Так просто, посижу с тобой.

Ага, дам я ему отсидеться! Со мной – да, посидеть – да, но один из нас будет в движении, и так как мне еще совсем недавно было очень плохо...

Вода плещется на пол, Яр окутывает меня страстью, вынуждая хрипеть неразборчивую чушь, я так близко к тому, чтобы перейти за грань, и он почти на грани и подталкивает меня, подталкивает и зовет за собой, и я делаю шаг и...

– Ей что, все еще дурно?!

... И остываю мгновенно, услышав в двух шагах от себя детский голос. Прячусь за плечо Яра, а до него, кажется, только доходит, что в ванной у нас посетитель. Он оборачивается к ребенку, но прежде я вцепляюсь в него, чтобы не переборщил, чтобы не кричал, чтобы решил вопрос мирно. И он понимает мою просьбу, гладит по щеке, и говорит негромко и без злости, что мне хорошо, пусть мальчик не переживает, и будет еще лучше, если закончить лечебный массаж.

– Ага, – прыскает смехом мальчишка. – Я уже давно не маленький и знаю, что ты сейчас массируешь.

– Егор, – вот теперь голос мужа звучит угрожающе.

– Я только не думал, что массаж, это, – мальчик брезгливо морщится, – так мокро...

Просить не приходится – сам закрывает дверь и уходит.

– Продолжим? – едва не мурлычет Яр.

И мы с удовольствием продолжаем, но за грань переходит один из нас. Мне постоянно кажется, что снова войдет Егор, и зажимаюсь внутренне, ничего не могу с собой сделать, несмотря на поощряющие слова мужа.

Но Яр если и разочарован, то не показывает этого.

Долго целует, пока не остывает вода, а потом вспоминает, что обещал мне доказать, как дорого я ему обхожусь и подхватывает, торопит, выталкивает из ванной. Тащит в угол, хитро улыбаясь.

– Неужели накажешь? – притворяюсь испуганной и повисаю клещом на предплечье – Позволь, я вымолю у тебя прощение!

Он удивленно оборачивается, в вечернем свете солнца его волосы отдают рыжеватым отливом, и все, мне и не нужно его разрешение!

Тяну за ворот его халата, тянусь сама и целую, жадно целую, так, будто не виделись год, так, будто умру здесь, на этом белом ковролине, в его комнате, если не поддастся на уговоры моих губ. И дико радуюсь, что ограничивается минутным замешательством, а дольше уговаривать не приходится.

Его халат распахнут, мой отброшен на ковролин. Яр подхватывает меня, прислоняет к стене, потом слегка смещается в угол, в тот самый, для предполагаемого наказания. И я так завожусь, что ничего не вижу, кроме пшеничных волос с рыжиной и темных глаз с искринками смеха; и ничего не чувствую, кроме рук, губ и рвущейся наружу страсти. Он мой. Он для меня. Он со мной. А я растворяюсь в нем, и уже вижу звезды и фейерверки, когда происходит дежавю...

– Я думал, вы закончили со своим лечебным массажем, а вы... – возмущается мальчик, отворачиваясь от нас, прилипших к стене. – Даже спокойной ночи вам некогда сказать!

Хлопает громко дверью и уходит.

– А говорят, что два раза в одну воронку... – Яр отпускает мои ноги, тяжело дыша, накидывает мне на плечи халат. – Ну и денек, – садится в кресло, усаживает меня к себе на колени, и мы оба пытаемся отдышаться от дважды прерванного марафона.

– Придется пожелать ему добрых снов, – хмыкаю я. – А то ночь впереди, а твой брат очень настойчив.

– Ты хочешь, чтобы это сделал я? – поражается он.

– А ты никогда этого не делал? – поражаюсь в свою очередь.

– Ну...

– Ясно. – Не хочу подозревать его родителей во всех тяжких, но думается мне, что и Яру никто не желал добрых снов. Объясняю, что ребенку надо говорить ласковые слова на ночь (пусть хоть так для начала) и что так принято, и что это как оберег от плохих снов. Слу-

шает меня внимательно, кивает изредка. Тяжело выдыхает, решившись, и встает. Мне, соответственно, тоже приходится встать, потому что я у него на коленях.

– Зайду к нему, – говорит Яр, – а ты пока посмотри, что я имел в виду.

Ничего не понимая, иду опять в угол, а тот после легкого прикосновения распахивается, преобразуясь в гардеробную. Платья, свитера, яркие кофточки, обувь в коробках...

– Все твоего размера, – опережает вопрос Яр. – Новое, никто не носил.

– А если мне не все понравится? – спрашиваю осторожно, потому что уже вижу, как это дорого и не хочу, чтобы он спускал деньги в корзину, как свадебные платье.

– Я и не надеюсь, что тебе понравится все. Светлана еще слишком мало знает о твоём вкусе, поэтому и прислала эти кружева. Джинсы там тоже есть, – ободряет, – а что не понравится, она вернет в магазины.

Я уже веселее смотрю на все эти новшества и даже радостно повизгиваю, когда натыкаюсь на джинсы, майки, бриджи, рубашки, кеды, босоножки, и кружева не пугают ценой. Яр понимает, что мне есть чем заняться и уходит к брату. Возвращается быстро или я так увлеклась рассматриванием белья.

– Спасибо! – чмокаю его благодарно, а он довольный собой, важно кивает. – Ну как?

Он бегло осматривает меня, думая, что я в новинке, но потом понимает, что я о Егоре и успокаивается.

– Зашел, – говорит задумчиво, – пожелал.

– И? – ну вот все надо вытаскивать из него!

– А он мне сказал спасибо. – И смотрит растерянно. – Не пожелал, мол, и тебе того же, не удивился, что я вообще пришел. А серьезно так говорит: спасибо.

– И что тебя не устраивает?

– Ты тоже сказала мне спасибо.

– Ну да, – соглашаюсь, а понять пока не могу.

– Но я ведь ему ничего не купил! А такое ощущение, что у нас товарно-денежные отношения!

– Ну знаешь... – отхожу к окошку, потому что фраза меня задевает. – Надо ребенку не раз в пятилетку желать добрых снов, когда он думает, что выклянчил у тебя это. И не будет его "спасибо" напоминать товарно-денежные отношения. От чистого сердца делать надо.

Стою, пыхчу втихаря, и не оборачиваюсь, когда он подходит.

– Прости, – говорит покаянно, – я все понял.

И я оборачиваюсь, потому что не злюсь больше и потому, что прощаю. И еще есть причина, о которой не хочу даже думать, но она настойчиво врывается в мои размышления, заполняет собой все мысли и делает на душе смуту... Таковую смуту, что даже когда легли в постель, Яр после событий долгого дня уснул быстро, а я все думаю, думаю, кручусь, кручусь и ни в одном глазу.

Но я виню во всем чай. Если бы не он, выпалась бы, голова к утру просветлела и выбила из мыслей дурь, потому что это неправильно и действительно глупо...

Так не бывает, не должно быть, не со мной – это точно.

Переворачиваюсь на другой бок, лицом к мужу, рассматриваю его в тусклом свете луны. Просто закон притяжения, убеждаю себя, он – мой первый мужчина и он такой... Мои пальцы скользят по его груди, обводят темные соски и возвращаются к сердцу. Узнать бы его чувства и тогда в свои можно окунуться, а так...

А какие мои?!

Притяжение, притяжение, естественное притяжение – разучиваю новую мантру, и со временем начинаю сама себе верить. Самовнушение – великая вещь, вот если бы Лариса убедила себя, что встретит мужчину, мечтающего о такой жене, как она, не пылилось бы в шкафу свадебное платье...

О, замечаю, хорошо, что я переключилась на кого-то другого, потому что думать постоянно об одном человеке, да еще о чувствах к этому человеку, да еще когда не знаешь, что он чувствует к тебе...

Ну вот, опять...

Вздыхаю, отворачиваюсь к стенке и уже почти отвлекаюсь и почти и не думаю о мужчине, лежащем рядом, но вдруг чувствую, как его рука ложится на мой бок, и... снова по новой... думаю только о нем.

Усну я этой ночью или нет?!

Яр прижимается ближе, словно чувствует мое раздражение, его ровное дыхание убаюкивает и я начинаю теряться в закоулках долгожданного сна. А все-таки вечер был удивительным, размышляю сонно, и взгляд Яра, и улыбка, и ужин при свечах стоили того, чтобы так долго ворочаться. И Егор вел себя паинькой. Временно, не думаю, что один поход в парк создаст из воздуха дружбу, но ничего, теперь я знаю, за что стоит бороться...

Точнее, за кого...

Мое отравление чуть подпортило вечер, но зато никто не сидел без дела, столько внимания, столько заботы... хоть иди и завтра опять травись стаканчиком газировки... Хорошо, Егор в парке не пил, а то Яр замучился бы с тазиками между нами бегать...

Спать! Все, спать!

Какой из меня борец? Хихикаю втихаря. Борец никакой, по крайней мере, в открытую, потому что уверена: проиграю и сдамся противнику при малейшей угрозе пыток. Я – женщина. Я – мирный воин. Но кое-кому, если очень попросит, позволю взять себя в плен...

– Яр?.. Ты спишь, да?

Он сонно мычит.

– А, может, вернешь администраторшу в салон, а?

Переворачивается на другой бок.

– Это расценивать как "нет"?

Молчит, но я прислоняюсь к нему, глажу его плоский живот и жду. Не напрасно жду, потому что минуты через две он то ли вспоминает вопрос, то ли успевает его обдумать, то ли просто мечтает, чтобы его оставили в покое, и сонно говорит:

– Хорошо, я подумаю.

Пытаюсь отодвинуться – неа, держит мою руку, значит, не хочет, чтобы оставила его в покое. Значит, всерьез обдумывал. Радуюсь так, будто это меня на работу взяли, хотя по сути упускаю отличный шанс сменить плавно-размеренную жизнь на что-то новенькое.

– Яр, – я даже подскакиваю, вспомнив об одной важной детали. – А врач ушел или еще нет?

– Спи, – смешок. – Какая тебе разница?

– Ну как же, – говорю, – посторонний человек в доме...

– А еще водители, охранники, повариха... – Переворачивается ко мне, устраивает у себя под мышкой и шепчет сонно в волосы: – Медом пахнешь... вкусно...

Прислушиваюсь к его мерному дыханию и тоже позволяю пленить себя сну, не догадываясь, что уже завтра вспомню добрым словом размеренное уныние и что хочу или нет, а меня втянут в войну, в которой я буду вовсе не миротворцем...

Глава № 7

Видно, что повариха сильно удивилась, когда вместо завтрака в комнате я зашла на кухню, но не возразила и не пыталась показать мне, как я здесь всем мешаю. Приятная женщина, я так рада, что первое впечатление не оказалось обманчивым. Вот сижу, хлюпаю зеленый чай, сырком заедаю и все это под байки, какой Ярослав Владимирович хороший хозяин. А мне ведь интересно, я очень хочу узнать его чуточку лучше.

В какой-то момент повариха пытается перевести тему на меня, мол, я мудро поступила вчера с Егором, но я увильваю. О себе я и так все знаю, а разговор о Егоре мысленно перебрасывает меня к пикантным событиям, свидетелем которых он стал.

Нет уж, лучше о Ярославе Владимировиче. И я с улыбкой киваю, когда она снова принимается его расхваливать.

– Повезло вам с мужем, – улыбается повариха.

И здесь не спорю. Кому расскажи – не поверит: обычная провинциальная девушка, которая о принце и не мечтала, попадает в настоящую сказку с настоящим, живым королем. На безымянном пальце у меня кольцо с желтым бриллиантом, шкаф трещит от дизайнерских шмоток, и завтракаю я в бело-коралловом платье в горошек от Лилии Пустовит. Глянула в зеркало прежде чем вниз спуститься, и сама себе позавидовала. Если бы мы встретились с Яром сейчас, я бы поверила, что могла ему понравиться, а тогда – в джинсах и майке с оптового рынка... Сработал эффект неожиданности и случай, а так он бы вряд ли меня заметил. Я даже на фоне Ларисы явно проигрываю. Она – яркая, легкая, взбалмошная шатенка с приветственной в глубоком вырезе грудью, а я...

А я – это я. Самоедством не занимаюсь, но и цены себе не набиваю.

В общем, сижу, чаевничаю, всем, как мартовская кошка, довольная и вот на кухню заходит мрачный Егор. Вместо доброго утра пробубнил что-то невразумительное и на стул напротив взобрался.

– Ты чего такой задумчивый с утра? – спрашиваю, пока повариха балует его блинчиками с земляничным чаем. А сама прикидываю, что Яр, наверное, тоже на кухне завтракает и только я по-королевски, с доставкой.

– Настроения нет, – говорит он и еще мрачней делается.

– Создай, – делюсь опытом.

– Интересно, как? – бросает язвительный взгляд, и прям расцветает от перспективы, что можно с кем-то погрызться. – Пройтись в парк, выпить по сладкой газировке?

– Это мне от чая плохо было, – вру.

– Ну конечно, – тянет недоверчиво, и прыскает в кулачок. А я и сама готова рассмеяться, как вдруг... одна мысль подкрадывается, окапывается незаметно и елозит, елозит... А с чего все решили, что плохо мне именно от газировки?

Отставляю чай, и мчусь в комнату. Набираю Яра, потом до меня доходит, что он может быть очень занят, но раз взял трубку, спрашиваю, что хотела.

– Яр, а с чего ты решил, что я отравилась газировкой?

– А ты не отравилась? – подшучивает.

– Нет, – говорю, – мне было плохо...

– Ах, все-таки?

– Да, – киваю, будто он может меня видеть, – но почему ты решил, что плохо мне было именно от газировки?

– Ну а что ты еще ела вне дома? Сладкую вату и мороженое? Да, но Егор чувствовал себя хорошо.

– Я пила чай, – выдавливаю, холодея от осознания, что попала в точку.

– Я тоже пью по утрам зеленый чай, Злата, – говорит муж сдержанно, но видно, что ему разговор перестает нравиться.

– Да, но...

Не знаю, говорить ему или нет, потому что одно дело – мои подозрения, и другое – факты.

– Что "но"? – въедливо интересуется.

– Пока ничего. До вечера, – нажимаю отбой, но тут же идет вызов.

– Что "но", Злата?

Ох, голос как вечная мерзлота, и я застываю в нерешительности. Не хочется оговорить человека просто так, тем более что сама вчера за него вступилась, и вообще, на все должны быть причины, а я их здесь в упор не вижу. Только знаю, что права, но не знаю, почему все именно так.

Но если не скажу мужу о своих сомнениях, так и буду терзаться и возводить мысленно напраслину – лучше уж выговориться, выслушать, как я заблуждаюсь и закрыть тему.

– Яр, – решаюсь, – я вчера пила чай в салоне.

Он молчит, и я сожалею, что начала этот разговор, к тому же, он наверняка занят, а тут я...

– И он был теплым и каким-то... невкусным...

Не понимаю, зачем продолжаю рассказывать об этом чае, уже хочу снова нажать отбой, когда слышу спокойный голос Яра.

– Я тебя понял. – И отбой нажал он.

Ругаю себя, чертыхаюсь, как сапожник, и конечно, мало мне выглядеть дурочкой перед мужем, нужен еще и свидетель моего сквернословия. В дверях совершенно беззастенчиво стоит Егор. Ситуация его явно развеяла, потому что и следа нет мрачности и дурного настроения. Смотрит задумчиво, будто в уме геометрическую задачу решает, а потом говорит мне совершенно безэмоционально:

– Она была его любовницей.

– Кто? – это вопрос из разряда обычных, когда знаешь о ком речь, но оттягиваешь момент.

– Администратор в салоне.

Егор выходит из комнаты – типа, цирк уехал, а забытый клоун уже не весел. Через минуту, правда, возвращается. Я слышу его шаги по ковровину, слышу вздох, удачно симитированный под сочувственный, слышу шорох на кровати. Перевожу взгляд и вижу карандашные рисунки на альбомных листах. На них темноволосая девушка с короткой стрижкой идет в длинном сарафане по пляжу. Темноволосая девушка сидит на берегу, словно в ожидании своего Грея. Темноволосая девушка дремлет, прислонившись к окну покрытого инеем трамвая...

Смотрю на нее и не вижу ничего, что бы могло вскружить голову такому мужчине, как Яр. Я представляла ее совсем иначе, девушку, чьи портреты мой муж хранит уже несколько лет.

Насмотревшись, собираю рисунки, иду в кабинет Яра, кладу в верхний ящик.

– Я хочу, чтобы ты перестала питать иллюзии, – говорит Егор, но я отодвигаю его, возвращаюсь в комнату и запираю дверь: хватит с меня на сегодня его визитов.

Но мальчишка упрямый, я стою по одну сторону двери, он прислоняется с другой и говорит:

– Ты видишь, что тебе хочется, даже не вглядываясь толком. Посмотри на моего брата внимательней. Посмотри на меня. Да весь этот дом – мишура.

Я отмалчиваюсь, опускаюсь вдоль двери и глубоко дышу, чтобы не расплакаться от обиды. Почему когда ты нараспашку, кто-то норовит плюнуть, чтобы ты запахнулся? Брат моего мужа меня не переносит. Мой муж дорожит незнакомой девушкой, а я...

Губы начинают подрагивать, но не поддаюсь. Пусть так, один ненавидит, второй любит другую, но зато теперь я знаю, что в моей виртуальной сопернице нет ничего особенного. Как и во мне, впрочем.

Но у меня преимущество: она неизвестно где, а я с Яром.

Прежде чем распахнуть дверь, предусмотрительно отхожу на шаг. Так и есть, мальчишка вваливается спиной в комнату и сопит обиженно – мол, че разбудила? А потом замечает мою улыбку и, сдается мне, собирается покрутить пальцем у виска. Но только действительно идиот поделится стратегическими планами ради минутного оправдания. Пусть думает себе, что хочет, пусть взламывает еще какие-нибудь секреты Яра, а я буду идти по осколкам своих грез, но не в сторону, а приближаясь.

– Ты сюда? – спрашиваю мальчишку и пока соображает, что ответить, обхожу, оставляя открытой дверь. Пусть копается в вещах, пусть палит, если денег брата не жалко, а я хочу вдохнуть свежего воздуха, хочу вырваться из золоченого окружения.

Водитель настаивает, чтобы сопровождать меня, пожимаю плечами – пусть. Иду вдоль особняков за высокими заборами, в ту часть парка, что не тронута деньгами и цивилизацией. Вдали слышны детские голоса, но здесь почти никого нет. Один-два прохожих с маленькими собачками. Люди одеты просто, не на показ, а именно для прогулки с животными, под шорох высоких деревьев.

Одинокая лавочка с пылью и облупленной краской. Сажусь на нее. Рядом присаживается водитель. Молчим, пока звонок мобильного не разрывает приятную тишину. Не мой мобильный, а водителя.

– Да, Ярослав Владимирович. – Пауза. – Да.

Водитель передает трубку мне.

– Да? – спрашиваю спокойно, так, будто не видела рисунков девушки и будто меня они не задели. Но радость от звонка мужа изобразить не выходит. Чувствует или скорее – уже в курсе, что я видела портрет его незнакомки. Голос его так же спокоен, но почти осязаю пульсирующее в пространстве недовольство.

– Я хочу, чтобы ты еще раз подумала о моем вчерашнем предложении, – и уточняет, не дожидаясь встречного вопроса. – Ты хочешь руководить салоном? Я сегодня уволил администратора.

Водитель усиленно притворяется деревом, делая вид, что не слышит нашего разговора, но я ловлю его взгляд и становится дико неловко. Небось, думает, что я расчищаю себе дорожку к карьерной лестнице и капиталам. И мне все равно, но не хочу, чтобы даже подобие такой мысли мелькало у Яра.

– Нет, – говорю, – не хочу. Я ничего в этом не понимаю.

А потом у меня мелькает почти сумасшедшая идея, хотя и не более сумасшедшая, чем идея со свадьбой.

– А что, если Лариса? Это ее мир, она обожает все эти пилинги, маски, спа...

Слышу, как Яр вздыхает. Не привлекает его эта кандидатура, хотя она в разы лучше моей, но помедлив, он соглашается.

– Как хочешь.

– Спасибо! – восклицаю радостно.

И уже думаю, как осчастливлю подругу, и сколько будет восторга и вообще, когда Яр добавляет:

– Тебе нужно научиться думать не о ком-то, а о себе, Злата.

Пытаюсь придумать логичные доводы против, не успеваю.

– Иначе ты не выживешь в моем мире.

Двумя руками вцепляюсь в телефон, боюсь, что выскользнет из повлажневших ладоней. Прижимаю сильно к уху и жду, когда скажет дальше, потому что это еще не все, чувствую,

знаю, и не хочу слышать, что скажет, а придется. Ну же? Мысленно поторапливаю, и получаю свою порцию соли.

– Не думай о рисунках, не накручивай себя. Ты их больше не увидишь.

Он нажимает отбой, а я так и сижу с телефоном возле уха. Он сказал, что рисунки я больше не увижу. Мне бы радоваться, мне бы не читать между строк, но я прочла и радости нет и в помине. Рисунки я не увижу – да, но он не сказал, что их уничтожит. Просто спрячет, а сам...

Заставляю себя вернуться к реальности. Мне ли бояться, что Яр будет думать о незнакомке? Днем он работает, ночью он мой, со мной, и ему не до мыслей о другой девушке. Представить ее вместо меня? Тоже вряд ли он может, у нас ничего общего, начиная от цвета волос, прически и заканчивая фигурой.

Вернув телефон водителю, откидываюсь на пыльную спинку лавки, прикрываю глаза от яркого солнышка. Так и сижу, оттаивая, пока что-то не упирается в правое плечо. Водитель слева, размышляю лениво, а кто примостился с другой стороны?

Ага, понятно...

Кряхтение стариковское прекращается – уселся, значит, а голову мне на плечо склонил.

– Хорошо устроился, – намекаю, чтобы отодвинулся.

А он мне так, со смешком и довольный собой и жизнью:

– Спасибо, – и еще и руку под мою просовывает.

Тоже мне, подкидыш нашелся.

– Задания все сделал?

– Неа, – и еще радостней, чем до этого.

– А что тогда по парку разгуливаешь?

Пытается отмолчаться, но его сдает водитель:

– У Егора через двадцать минут как раз занятие по польскому.

– Прогуляю, – спохватывается он.

– Я тебе прогуляю! – угрожаю я.

– Да я все равно язык лучше этого профессора знаю!

– Попрактикуешься лишний раз.

– Лишний! – хватается за слова. – Лишний, правильно!

– Нет, – признаюсь, – это я ошиблась. Не всем языки как тебе даются. Не лишний, а запасной.

Открыв глаза, замечаю довольную рожицу. Как же, похвалили и вроде бы ненароком. Вот и умный, и не по-детски взрослый, а все равно ребенок. И нравится мне гораздо больше таким, чем когда включает невольно "старость".

Мы медленно идем по дорожке к дому, водитель отстает, чтобы могли говорить вольно. Конечно, все уже знает, в курсе сегодняшнего конфликта. Несколько дней замужем, живу в охраняемом замке, а такое ощущение, что на виду в зоопарке.

– Этих рисунков нет в столе, я заглядывал, – делится приключениями мальчик.

– Знаю.

– Наверное, – чешет задумчиво макушку, – он приказал их сжечь?

– Наверное, кто-то начитался романтики?

Невероятно, но он смущается, правда, всего на секунду. И вот снова важно вышагивает, бросая высокомерные взгляды на старичков с песиками. То ли дает себе зарок, что никогда не заведет такого мелкого четвероногого приятеля, то ли что никогда не постареет.

– Если у твоего брата еще есть в шкафу скелеты, давай уж одним махом, – предлагаю.

– Ага, мне и за это влетит! – тараторит возмущенно, словно это я его заставила лазить по чужим шкафчикам.

Мысленно, как и в разговоре с Яром, вскрываю двойное дно. Значит, скелеты есть. Ну что ж, у короля оказалось приданое...

По возвращении первым делом заглядываю в гардеробную – все вещи на месте. Странно. Чем же Егор занимал себя, когда я ушла? На лавку подсел где-то через полчаса, а до этого? Не верю, что корпел паинькой за уроками. В ванной тоже все мои баночки на месте, зубная щетка жива, но я на всякий случай принимаю к ней. Как будто из стаканчика не отлучалась.

Хм, думаю, думаю...

В раздумьях кручу в руках свой телефон, на автомате просматриваю, кто звонил и натыкаюсь на список исходящих вызовов: мама, бабуля, отец.

Твою ж!..

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Первой набираю бабулю – она у меня более современных взглядов и даже если мальчишка вел себя как подонок, сумеет поставить его на место.

– Бабуля, – спрашиваю после заверений, как рада ее слышать и все такое, – а тебе что, Егор звонил?

– Звонил, – хихикает, как девчонка. – Смешной такой, очень серьезный.

– А что он хотел?

– Сказал, что у него никогда не было бабушки и мечтает со мной познакомиться. Приглашал в гости. – Смеется. – Так что жди, внученька, я тоже на правнука посмотреть хочу. Твоего-то могу и не дожидаться, а здесь приемный, но зато уже почти взрослый.

– А... больше ничего не говорил?

– Сказал, что забронирует билеты и пришлет машину, чтобы встретить на жд вокзале. Я вот уже и вещи пересматриваю, какие взять. А ты что же, против?

– Да нет, – отмазываюсь, а сама прикидываю, что скажет Яр, если мои родственники нагрянут. Они простые, не голубых кровей и не условно-зеленых, как некоторые. Хотя, может, волнуясь зря? Может, он только бабулю зазвал? – А маме, не знаешь, зачем он звонил?

– Как это не знаю? – обижается бабуля. – За тем же! Сказал, что подолгу не видит своих родителей, и хочет познакомиться с твоими. Ну а про билеты и машину я уже тебе рассказывала. Не склеротик – вспомнишь.

Хорошо, что рядом чудом оказывается кресло, в которое я падаю.

– Бабуль... – прочищаю горло, – а они... тоже... вещи перебирают?

– Да не-ет, не волнуйся. Они уже их собрали, – добивает меня бабушка.

Я быстренько с ней прощаюсь, целую воздух перед трубкой и спешу вниз на поиски того, кого лично, своими руками и прямо сейчас...

Заметив мальчишку в гостинной, кривящего нос напротив степенного джентльмена в костюме, смотрю в расширяющиеся от ужаса глаза и честно предупреждаю, размахивая телефоном:

– Я прибью тебя!

Он взвизгивает, прячется за диван и оттуда торопит человека в костюме:

– Да когда же мы начнем заниматься?! У нас ведь урок! Пропускать нельзя!

– Но ты ведь только что его отменил, – разводит руками мужчина, посмеиваясь в усы.

А я между тем приближаюсь...

– Да пошутил я! – уверяет мальчишка, и смотрит попеременно то на меня, то на преподавателя, выбирая меньшее зло.

– Но я уже собрался уходить, – замечает мужчина, надевая шляпу.

– Моя бабушка и родители уже собирают вещи, – шиплю я, делая еще один шаг к темноволосому чертику.

– Но я хочу заниматься! Двойной тариф! – восклицает отпрыск Самарских и джентльмен, виновато мне улынувшись, снимает шляпу и становится между нами.

– У нас занятие, юная леди, – говорит он. – Сами понимаете, такое пропустить нельзя.

– Понимаю, – соглашаюсь я, потому что до недавнего не упускала ни одной возможности насобирать на пальто. – Но кое-кто не понимает, что лучше не будить лихо, пока оно тихо.

Мальчишка выходит из убежища, опасливо косясь на меня. Перебежками достигает лестницы и уже оттуда, приняв вид хозяина, интересуется, заломив бровь:

– То есть?

– А то и есть, – растягиваю губы в предвкушении. – Кое-кто не знаком с моей бабушкой! Он растерянно моргает.

– Но менять что-нибудь поздно, – обнадеживаю. – Она уже собирает вещи. – А чтобы не думал, что это все на сегодня беды, мстительно добавляю: – А мои папа и мама уже их собрали!

И финита ля-хозяина жизни: на лестнице обычный мальчишка, который вляпался по самые уши, потому что вытерпеть моих родственников, когда они собираются вместе, даже я долго не в силах. А они в гости так далеко на день ехать не будут, минимум на две недели, а сумок будет словно приедут на год.

Егор понуро бредет наверх, за ним следует усмехающийся преподаватель, и у меня впереди два часа тишины и покоя.

Посмотрев на телефон, вспоминаю, что не обрадовала Ларису новой должностью. Самое время! У меня настроение возобновилось, пусть и она чуток перехватит.

Подруга верит не сразу, а когда до нее доходит, что не вру, визжит, глаголет тосты за здоровье меня и моего мужа и наверняка подпрыгивает на своем выдавшем виды диване.

– Я числюсь в отпуске, пусть так и считается, – говорит, откричавшись, – а я пока освоюсь на новом месте. Как думаешь, может, мне прямо сегодня начинать осваиваться?

– Ну не знаю. Может, спросить у Яра? Ты же не придешь просто так и не заявишь с порога: "Здравствуйте, я ваш новый администратор?"

– Сомневаешься? Я именно так и скажу. Хочешь со мной?

Я не очень хочу, и Лариса не настаивает. Она из тех, кто видит цель – не видит препятствий, и мнимая неловкость ей по колену.

– Дай мне телефон мужа, я уточню у него свою зарплату и немедленно поеду в салон, – приступает к делу.

Я диктую ей телефон, слушаю, как она меня целует и любит, и в эту минуту сама всех люблю. Даже темноволосого мальчишку, что уходя, смотрел на меня с упреком: мол, хотел сделать доброе дело, пригласил всех твоих, а по твоей же вине доброе дело не вышло.

Родителям я тоже звоню, хотя в словах бубули не сомневаюсь: она, в отличие от меня, отсебятину не придумывает. Мама отчитывает, что это мне должна была прийти идея познакомиться их с мужем, а папа миролюбиво говорит, что пришла пора устроить зятю смотрины.

Эх, как сказать зятю о грозящем нашествии?

У Егора один преподаватель сменился другим, а я никак не найду чем заняться. На кухне посидела, перекусила, в комнате лежала, вещи еще раз пересмотрела, платье сменила на бриджи и майку. Скучно. Тоскливо. Чем занимаются богатые дамы? Смешной вопрос, мне до дамы как пешком до Панамы.

Надо было рискнуть и взяться за работу администратора, но... Неприятно мне, не хочу я работать вместо его любовницы. Тогда чем заняться? И тут я чуть не падаю от потока неожиданного счастья. Да ведь это то, о чем я мечтала! Куча свободного времени и никто не мешает!

Я видела, как Макар заходил на кухню минут двадцать назад. Может, уже поел? Может, свободен? Удивляется, когда я влетаю с ошалевшими в предвкушении глазами и прошу подвести меня в любой канцтоварный.

– Конечно, я в полном вашем распоряжении.

– После обеда?

– Нет, сейчас, – отодвигает чашку с чаем, и мы идем. То есть, он идет, а я парю и мне так легко, легко и не верится, что я раньше не догадалась.

Продавцы в канцтоварном косятся на водителя, а я к его присутствию почти привыкла. Идет и идет, ни жарко, ни холодно. Я брожу вдоль прилавков и наконец замечаю то, что искала: толстый блокнот на спирали, формата А4, как альбомные листы. Очень удобно. Выбираю несколько ручек и все, скорей бы домой!

Вот я и при деле. При любимом деле. Егора не видно – наверное, занятие еще длится, а я закрываюсь в комнате, ложусь животом на кровать, благоговейно открываю блокнот и уплываю в сказочный мир, где нет ссор и разлук, где в конце обязательно мирятся и где принц не оказывается тыквой.

Пишу, пока какой-то звук не привлекает мое внимание. Нехотя перевожу взгляд и... правильно! – вижу Егора. Стоит за окном, скребется, и смотрит просительно, мол, впустите, пожалуйста... ну что вам стоит?

– Чего тебе? – интересуюсь строго, а сама пытаюсь унять бешено бьющееся сердце. – Как ты перебрался на наш балкон? Жуть какая! А если бы упал?!

– Да я уже два года занимаюсь скалолазанием, – говорит он, ничуть не оправдываясь, а чисто чтобы меня огоршить и проникнуть в комнату. Невыносимый мальчишка! Непокорный, своевольный, нагловатый, хотя отдам ему должное – умный и изворотливый.

И вдруг у меня падает с глаз пелена.

– Ты... лев, что ли?

– Ага, – улыбается.

Вот это я неудачно попала! Да водолей со львом не уживется! И как я его раньше не почувствовала? Противоположный мне знак, с которым прекрасно враждую, и которого разлучаю, стоит только приблизиться, а здесь...

– Кошмар, – сокрушаюсь я.

– А ты кто по знаку зодиака? – интересуется.

Я говорю и он понативно кивает. Видать, тоже знает о непереносимости этих двух знаков, только в моем случае все, что пишут астрологи, умножается минимум на два. Аллергия у меня на львов, а у них от меня астма.

– А в год кого ты родился? Может, хоть здесь повезло.

– Змеи.

– А, так тебе двенадцать, что-то ты щупловатый для этого возраста.

– А ты в год кого? – как змея, подготавливается к укусу.

– Овцы, – выдавливаю неохотно.

– Прикольно, – хохочет. – Ты водолей и овца. Я – лев и змея.

– Ничего прикольного, а твой брат тоже овца.

Я же помню, как он представлялся. Мне, мол, тридцать четыре, то се... У нас с ним разница в двенадцать лет – я тогда сразу отметила.

– Ага, – говорит змеинная рожица и смеется, – только он при этом еще и лев.

Вот он и отомстил мне за щуплого!

И вот где настоящий кошмар! Зоопарк, вольер с хищниками и я...

Я все еще стою?

Глава № 8

За ужином Яр все-таки замечает наши переглядки с Егором и спрашивает, что мы скрываем. Пока я раздумываю, как деликатно сообщить о грозящем нашествии моих родственников, а Егор елозит вилкой суп по тарелке, мой муж предполагает:

– Заказывать новый гардероб?

На мне модный сарафан в зебру, но может же быть, что это единственное, что уцелело. Увы, истинную причину нашего странного поведения Яр даже в страшном сне не увидит, а раз Егорка молчит, придется мне... обрадовать предстоящими смотрами...

Я знаю своего папу, он не ограничится взглядом-рентгеном. Соберет факты, какие только можно, даже слухами от соседей не побрезгует ради такого дела. Хотя, сомневаюсь, что жители соседних особняков откроют двери незнакомому мужчине и тем более, станут трепать языками. Двух из них я видела в передачах известной ведущей, про светские тусовки, им как-то привычнее пафосно, через губу, по два слова в минуту. Хотя, если бы ведущим взяли моего папу, боюсь, на страну посыпалось бы море откровений – заговорит и разговорит мертвого.

Его бы сюда вместо меня, он бы нашел слова, а я все мнусь. Сидим вот, едим с аппетитом, – ну, если не считать задумчивого Егора, – на столе таинственно горят свечи, а мне думается о сладостном пробуждении, очередной записке Яра на завтрак и поцелуе, которым мы успели обменяться, когда он вернулся.

– Тебе жарко? Погасить свечи? – спрашивает участливо Яр.

Наверное, опять меня выдают щеки. Отвлекаюсь на глоток вина, еще раз с надеждой поглядываю на мальчишку, а тот – с еще большей надеждой на меня.

– Мне поиграть в угадайку или просмотреть записку с камер? – размышляет вслух Яр.

– А ты их еще не видел? – удивляюсь. – Обычно ты сразу к камерам, а потом уже к нам.

Он смотрит вопросительно. Ну да, какое там обычно? Женаты пару дней и случаев таких было всего парочка, а я уже выговариваю. Но он делает вид, что не замечает моей шпильки и спрашивает любезно:

– Еще вина?

– Да, хочу, – говорю я.

Он загадочно улыбается, и ждет. Чувствую его ожидание как свое собственное. Но больше, кажется, ждет не моих слов, а слов Егора. Воспитывает в мальчишке силу воли, что ли? Видно же, что тот и так едва не трепещет в его присутствии.

Эх, придется мне. Если и разозлится, то я за ночь его как-то утихомирю поцелуями, а Егор до утра после взбучки будет как в воду опущенный.

– Здесь, понимаешь, какое дело... – начинаю неуверенно.

– Ну-ну? – Яр откидывается на спинку стула, сложив на груди руки. Мол, жду, давайте, готов к представлению.

– Яр...

– Я сделал одну глупость! – выпаливает мальчишка и завладевает не только вниманием брата, но и моим. Поднимает от тарелки глаза и говорит уже медленней и уверенней. – Но я ни о чем не жалею.

Не жалеет он – как же! Изменить ничего не может, мое семейство на чемоданах, вот и приспособливается. Кстати, хорошая тактика.

– Ну-ну? – все так же любезно интересуется Яр.

– Я сегодня воспользовался телефоном Златы.

– Я уже понял, что тебя тянет к ее вещам, – усмехается Яр, а усмешка такая, обещающая самые разнообразные наказания нам обоим, как заговорщикам. – Что дальше?

– А что дальше, ты ни за что не догадаешься, – говорю я, потому что Егор на минуту теряется от внимания брата, а мне, как настоящей женщине, внимание такого мужчины льстит.

– Вечер перестает быть томным, – усмешка Яра достается уже только мне, но действует странным образом.

Мне хочется рукой сбросить на пол посуду и канделябры, выставить Егорку за двери, закрыться, заставить мужа упереться бедрами в этот аристократический дубовый стол и...

– Ох, я поторопился, – говорит Яр, сбивая мой жар, – вечер еще может исправиться.

И мы играем в гляделки до неуверенного "кхе-кхе" Егора.

– Может, я к себе пойду? – спрашивает мальчишка с надеждой, что легко отделается.

– Как?! – всплескивает руками Яр. – И я так и не узнаю новость дня?!

Егор протискивается к двери, с опаской поглядывая на меня – не выдам ли раньше, чем он скроется. Но у меня слегка кружится голова от выпитого и от планов на мужа, и я незаметно благосклонно киваю.

– О, нет, – каким-то невероятным образом Яр оказывается у двери раньше, закрыв путь к отступлению. Мы с Егором почти синхронно вздыхаем, понимая, что не удалось объяснения перенести на завтра.

– Ну что, каяться? – шепчет мне мальчик.

– Давай, – пожимаю плечами, а пока каверзник перебирает свой словарный запас для смягчения приговора, любуюсь его будущим истязателем. Какая прыть, какая грация – мой собственный лев, вот же меня угораздило!

– Ну ладно, – сокрушается Егор и начинает исповедь.

Лицо моего мужа с каждым словом мрачнеет и вот когда уже кажется грянет гром, я быстренько достаю из заначки громоотвод.

– А не пора ли ребенку спать? – оттесняю озадаченного супруга от двери.

Ребенок усиленно кивает, мол, да, никто детей до утра на кухнях не держит, вдали от компьютеров, айфонов и телевизоров, и ужом проскальзывает на волю. Я запираю дверь и оборачиваюсь к мужу. По блеску в темных глазах и прищурю догадываюсь, как много он хочет мне сказать, но мне не до разговоров.

– Я соскучилась, – делаю шаг в клетку к зверю, обнимаю его за пшеничную гриву. – Очень.

А дальше не до объяснений становится и ему, потому что я жарко целую его губы и не позволяю отстраниться даже на секунду. Мои руки зарываются под рубашку и брюки, а потом на освобожденные от одежды участки тела набрасывается мой жадный язык. Новый для меня опыт, удовольствие полностью для партнера, но дрожу почему-то я, и желание пронзает меня, и вскрик Яра делю с ним своим приглушенным стоном...

Он поднимает меня с колен, гладит по голове.

– Так что это за страшная тайна? – спрашивает, восстанавливая дыхание.

– Ты же не думаешь, что я...

– Нет, – гладит утешительно по спине, – я не думаю, что ты сделала мне очень приятно и забываемо ради вашего маленького секрета. Я просто падаю на тайны.

– Ох, – выдыхаю невесело и признаюсь: – Яр, тебе очень скоро предстоит познакомиться с моими родственниками.

Замерев на секунду, его руки возобновляют рисование у меня по спине.

– Сразу со всеми?

– Нет, – успокаиваю, – только с некоторыми.

– А по правде?

Мои словечки в его устах вызывают улыбку, и я успокаиваюсь сама.

– А по правде, Егор пригласил тяжелую артиллерию: маму, папу и бабушку.

– Могло быть хуже?

– Могла быть атомная атака, если бы он зазвал мою крестную. Она бы не уехала раньше, чем переженила всех твоих охранников, не выдала замуж повариху и горничную. Да и соседям-холостякам брачного возраста до ста было бы чего опасаться.

– Да с поварихой проблем нет, она-то согласна, – смеется Яр, – это доктор все присматривается к ее пирожкам. Слушай, а как же ты не оказалась замужем при такой свахе?

– А я ведь первая в семье получала высшее образование, – поясняю, – для замужества рановато было. А потом, сразу по окончании института, сюда уехала. Но можешь себе представить, как крестная расстроилась, узнав, что я вышла замуж, и предполагаемым на меня кандидатам пришлось дать отставку.

– Я оказался притким, – хвалится Яр.

– Или я? – намекаю, кто с кем познакомился.

– Если бы я не хотел, у тебя бы ничего не вышло. Ты собиралась уйти, если помнишь. Я тебя удержал.

– Да, а я набросилась на тебя прямо у дверей клуба.

– И это видели очень многие, – охотно подхватывает он, видимо, кайфуя от моего смущения. Я-то думала, поспорит для приличия, скажет, что это он все, а я просто поддалась его чарам...

– Не вздыхай, – целует меня в макушку, – они не осуждали тебя.

– Правда?

– Да. Они мне завидовали.

Мы уходим в комнату, и после совместного принятия ванны, лениво лежим в кровати, любуясь, как лунный свет ползет по ковролину. Моя очередь рисовать узоры на теле Яра; расположившись вполне уютно на его грудной клетке, я выбираю вместо холста живот.

– Слушай, – вдруг вспоминаю, – а кто мне чай по утрам приносит?

– Повариха. Я мог бы сам, но пока ты проснешься, он будет совсем остывшим. А записку пишу я, – подмигивает.

– А Лариса тебе звонила сегодня?

– Звонила.

Говорить о моей подруге не хочет, отвечает коротко – да, нет, но этого хватает, чтобы сложить картинку. Зарплату они согласовали, правда, подруга пыталась сумму нагло повысить, но после вопроса, какой у нее опыт в данной сфере, быстро согласилась на все условия.

– А то, говорит, подумала, что еще чуть поторгуюсь и ей придется бесплатно на меня работать, – рассказывает Яр. – Сегодня звонила, сказала, что осваивается. Завтра заеду, посмотрю, помогу: в салон все-таки вложены деньги и терять их по дружбе глупо.

Я поцелуями набиваюсь в компанию, и сходимся на том, что когда Яр будет в салоне, меня туда же подвезет Макар.

– Не жалеешь, что уступила работу подруге?

– Нет, это не мое.

– А что твое?

Я надолго замолкаю.

– Уснула?

– Нет, думаю.

– Повторить вопрос утром?

Поднимаю к нему лицо, целую чуть колючий подбородок и пока не завелась, отрываюсь от мужа.

– Знаешь, – говорю, – я не очень люблю говорить об этом... Я сказки пишу.

Яр ждет, а я жду его реакции. Так и молчим, рассматривая друг друга. Наконец он откликается своим фирменным:

– Ну-ну?

А я уже почти все сказала, и как по мне доступным русским языком, но раз нужны пояснения, продолжаю.

– Мне нравится писать сказки. А многие люди считают творческих... эм... странноватыми...

– Правда? Я пока ничего не замечал, но буду к тебе присматриваться...

– Вот ты не веришь, а я когда-то встречалась с одним парнем, а он взял, прочитал некоторые мои сказки и меня бросил.

– Не скажу, что я сожалею о его поступке.

– Яр!

– А что такого было в твоей сказке?

– Да ничего! – возмущаюсь, несмотря на то, что обида старая. – Там просто одна из жаб курила, как паровоз, и от нее несло так, что вокруг все цветы вяли.

– А тот парень был из партии зеленых?

– Да нет, – мнусь, – он тоже курил много и... там еще эта жаба... пыталась поцеловать царевича, который от нее увораживался... и... жабу тоже звали Толик...

Кровать начинает трястись от хохота, а я волнуюсь, как бы мы не оказались на полу. Там, конечно, мягкий ковролин, и чистенький, и вдвоем везде уютно и тепло, но я как-то быстро разнежилась после свадьбы. В общежитии и солдатская односпалка с одеялом вместо матраса считалась за счастье.

– Интересно, а какую сказку ты написала последней? – отсмеявшись, спрашивает Яр.

– Да вот как раз сегодня одну начала писать... она еще не закончена...

– Ясно, пока почитать не дашь. И о ком она?

Я закрываю глаза и передо мной встает целый подземный мир, пропитанный невозможностью и любовью.

– Она о гноме, который очень сильно любил одну фею, фею Недовольства.

– Фея красивая?

– Для него очень.

– А гном для нее?

– А красоту гнома не каждому дано увидеть. Я потом тебе дам почитать. Если хочешь, – добавляю поспешно, а то вдруг ему неинтересно, а я здесь со своим доморощенным творчеством...

– Да, хочу, – говорит он, и целует.

А мне кажется, я совсем скоро расплаволюсь, и мои чувства из категории "чуть-чуть" перейдут в "это очень опасно, детка!".

Обнимаю его, пристраиваюсь на плечо и почти уже сплю, когда слышу шаги по лестнице, такие, как у моего папы, "мертвяки, на зарядку!" – называется.

– Ты Егору пожелал спокойной ночи? – вскидываюсь.

– Забыл, – трет лицо Яр, и кряхтит совсем как его братец, вставая. – Думаешь, стоит сходить?

– Думаю, стоит.

Он оборачивается ко мне для поцелуя на дорожку, когда дверь распахивается.

– Не успел, – расстроено говорю я и утыкаюсь ему в спину.

– Зато мы очень даже вовремя! – звенит сиреной женский голос с порога, вынуждая включиться торшер сбоку, и я высовываю из-за спины мужа растрепанную голову.

Высокая блондинка в алой шляпе – хмурюсь, врывается в нашу комнату как к себе домой – хмурюсь еще больше, и мой муж молчит – толкаю кулачком его под лопатки. Это привлекает его внимание, и он оборачивается с каким-то ошалелым выражением лица. Заметив, что я не в духе, целует в щеку, несмотря на верещание блондинки, что это неприлично, и переключает внимание на внезапную гостью.

– Чем обязан? – спрашивает ее.

Я удивлена его холодным тоном не меньше женщины: она долго дышит открытым ртом, но потом берет себя в руки и движется прямо на нас. Я снова прячусь за мужа, он ловит мои руки, прижимая к себе. Вместе мы – сила! Но лучше я побуду у него за спиной...

– Да как ты смеешь?! Со мной?! Вот так?! – шипит женщина.

Ой, мамочки, кажется, будут жертвы, я буквально чувствую внутренний рык Яра и как у него удлиняются когти. Ой, от страха я путаю слова и замечаю в сопернице недостатки. Морщины – немного, но есть, возраст лет на десять моего больше, да и фигура у нее хороша, но слишком бюстообъемна, а Яр уже привык к моему второму, не отучать же его!

Не сдамся! Не отдам! Мое!

Я приподнимаюсь на коленях, в упор глядя на приближающуюся женщину.

– А она! – верещит женщина, грозно тыкая длинным ногтем. – Бесстыжая лимита! Нищенка!

– Это вы по тому судите, что я сплю без ночнушки? – спрашиваю невинно и приподнимаюсь еще выше.

Женщина возмущенно ахает, и видимо, спеша ей на помощь, в комнату вваливается какой-то мужик. Бросает на меня беглый взгляд, деликатно отворачивается и смело идет к женщине-фурии.

– И к чему этот скандал на ночь глядя? – спрашивает ласково, как ребенка. – До утра потерпеть не могла?

Между тем Яр укутывает меня в плед и целует, отвлекая от странной парочки. А они говорят между собой, будто нас здесь и нет.

– Да как я могла вытерпеть?! – возмущается женщина. – Это уму непостижимо! Он женился! Опять!

– Наконец-то, – поправляет мужик.

– Он женился на ней! – женщина снова тыкает в мою сторону пальцем, и я не выдерживаю.

– Жалеешь, что не на тебе?! – едко интересуюсь.

Мужик и мой муж переглядываются, потом мужик задерживает взгляд на мне, а я... а я понимаю, кто передо мной. По крайней мере, сильно догадываюсь, потому что еще остается шанс, что я не успела выставить себя хамкой перед новыми родственниками.

– Я не такого хотела для своего сына! – возмущается женщина, и я таки чувствую, что будь она ближе, с удовольствием проткнула бы меня этим искусственным ногтем. Все, никакого шанса, что хамство мне не аукнется.

А вечер обещал закончиться мирно...

– Ну раз ты так спешила познакомиться с моей женой, что до утра не усидела в гостинице, пожалуйста. – Яр приобнимает меня за кокон из пледа. – Злата Юрьевна Самарская. Прошу любить и жаловать.

Женщина возмущенно пыхтит, а муж, наклонившись к моему уху, шепчет с ухмылкой:

– Ты, кажется, интересовалась моими родителями?

А я смотрю через его плечо на эту ужасную женщину, от которой у меня дрожь, и шепчу так же тихо, как эхо в горах:

– Я бы на месте Егора тоже с ними жить не хотела.

Женщина взвизгивает и метлой вылетает из комнаты. За ней, извиняясь, выходит мужик, а мой муж, держась за живот, корчится на кровати и, утирая слезы смеха, весело предупреждает:

– Готовься, будет война!

Но я же говорила, что мирный воин, верно? И единственное, к чему точно готова при военных действиях – прятаться.

Так и поступаю на следующий день. Просыпаюсь раньше супруга и напрашиваюсь уехать с ним, пока родственнички не прикатили из гостиницы. Меня, кстати, сильно так удивило, что они остановились не у нас и не у себя, – наверняка, в состоянии позволить себе держать в городе квартиру для таких визитов, – но Яр сказал, что ничего удивительного. Квартира есть, и не одна, но сейчас сдается каким-то депутатам из нового созыва, и выселять их ради каприза... А остановиться здесь тоже не могут, потому что приехали без приглашения. У них, видите ли, четко соблюдаются некоторые правила приличия.

Я тут же поинтересовалась, нельзя ли в эти правила добавить пункт, чтобы не вламывались по ночам в спальню молодоженов? Яр успокоил, что это не повторится, он обязательно поговорит с родителями, подчеркнул, что поговорит сам, но я настояла на обещании, что мы теперь будем запираеть дверь, а то тут и так... пытаешься отвлечься от всего, чтобы познать Дао...

Выбиваю согласие и поцелуй, и на этом моя удачливость заканчивается. Яр приносит мне чай и сырок и все-таки уезжает один, а мне остается ждать, пока он позвонит и скажет, что освободился и едет в салон. Впрочем, это я поначалу думаю, что только это и остается, но в голове уже роятся картинки про гнома и фею и я, подхватив толстую тетрадь, устраиваюсь на кровати и пишу, пишу, пока кисть не начинает ломить. Но я, может, еще бы погуляла по сказочному подземелью со своими героями, если бы не почти уже знакомый звук со стороны окна.

Вздохнув, чтобы незванный гость видел, что я не в настроении его развлекать, распахиваю окно настежь.

– Заходить? – спрашивает он.

– Как хочешь, – возвращаюсь к своим записям.

Он заходит, с любопытством поглядывая на блокнот. На всякий случай говорю, что там ничего секретного нет, это не мой дневник. Он делает вид, что не обижается и нагло садится в кресло, закинув ногу за ногу и придиричиво меня рассматривая. Не кавалер – так что я не смущаюсь, что не накрашена, а прическа самая простая – коса до пояса. Одежда чистая – самое главное, а остальное... сам же говорил, мол, многое – мишура.

Я лежу и пишу, Егор сидит и молчит. Как долго – не знаю, потому что увлекшись, могу долго витать в сказочном мире. Я здесь, но меня словно и нет. Вот и сейчас я возвращаюсь к реальности, только услышав вопрос:

– Прочтешь для меня?

И то ли сама постановка вопроса так действует, то ли решающим фактором становится, что сказку я только закончила, не вижу причин ломаться. Обычная сказка, и я не мастер слова – предупреждаю на всякий пожарный, но Егор просьбы не отменяет.

– Ну хорошо, – говорю, – слушай.

И начинаю читать...

Гномы шептались:

– Опять фея Недовольства пожаловала к Рыжему...

– Не иначе как захотела игрушку новую...

– Так есть у нее. Рыжий. С ним и забавится...

Так громко шептались, что фея слышала. Огромное царство гномов, а стен нет, только перегородки из кореньев трухлявых. Услышала фея и разозлилась так сильно, что сама от себя не ожидала. А Рыжий вот он, рядом, делает вид, что оглох, что ли? Стоит истуканом, смотрит на нее ласково, словно прикоснуться хочет, и дела ему нет до обидных слухов сородичей.

– Игрушка? – усмехнулась фея, внимательно гнома рассматривая, и крикнула громко, чтобы другие наверняка услышали: – А ведь они правы, пожалуй! Игрушка! Что с тебя еще взять? Да только забавы никакой, так, тоска одна. Сделай, что заказывала и не спущусь больше в темноту вашу!

Гном отвернулся, чтобы не заметила, как расстроили его слова гостыи. И ведь не спустится, задела ее сплетни. Говорить фея может путано, с издевками, может врать, но если слово даст – сдержит. А что делать ему?

Ждать, зная, что не увидит?

И что сам в ее мир подняться не может?

А заказ ее... Ох...

И вдруг Рыжий просиял весь, взобрался на табуретку, чтобы стать выше, прикоснулся к мочкам ушей феи – слегка, она вряд ли даже заметила, заглянул в глаза ее, цвет подбирая, задержался чуть дольше положенного и руки убрал.

– Быть может, тебе это понравится? – затаил дыхание, не творением волшебным, а феей любуясь, потому как даже синие звезды блестели в ушах ее словно смущаясь и признавая свое поражение рядом с таким совершенством.

Сполз покров со старого зеркала, покрутилась фея, всматриваясь в свое отражение. То вверх пшеничные волосы соберет, то отпустит их снова, то улыбнется, то приподнимет бровь хмуро. Видно, что ей понравилось, и сказать что-то хотела не грубое, да только снова услышала громкий шепот других гномов.

– Это не то, что заказывала! – процедила. – Неужели так сложно запомнить? Бездарь ты! Недоучка!

Говорит холодно, а глаза вопреки воле хозяйки, радостью и теплом согревают. Но не может она иначе, не умеет, да и по статусу не положено. А гном стерпит, привык, да и... главное, что она ничего не заподозрила и снова придет к нему, а он снова заказ не выполнит. Пусть злится, пусть обзывает – он привычный, но так для нее будет лучше.

Подавил смутный вздох, а пока фея крутилась у зеркала, не удержался и прощупал карман своего смокинга. Надежно спрятана его тайна, а на сердце беспокойно, будто случиться что-то должно, но задерживается.

По его душу, по его...

И песчинки вон, в часах замерли...

А пока смотрел на фею, любовался лицом безупречным, фигурой божественной, вдыхал запах подснежников и знал, что прощается. И спешил запомнить ее такой, как сейчас, холодной, но притягательной, с поджатыми показной злостью губами, но призывающей их раскрыть, говорящей ложь с изумительной правдивостью.

Кожу ее ласкал свет свечи – нежно, едва прикасаясь, с придыханием. Как мечтал о том Рыжий. И как запрещал себе. И как уже никогда не сумеет...

– В общем, гном, – фея закрыла зеркало, приблизилась почти вплотную, склонилась над Рыжим и начала тыкать в него длинным пальцем. – Принимаю я твой неумелый подарок, но хватит с меня побрякушек! Слышишь, гном? Хватит! Дай мне брошь, чтобы рядом с сердцем носить можно, из камня, который меня отражает, и свободен! Запомнил на этот раз? Сделаешь?

Близко фея к гному стояла, так близко, что ее дыхание согревало впалые щеки... И Рыжий давил в себе возмущение от ее речей и пытался унять внутренний голос, повторяющий в сотый раз:

– Не увидишь ее, не увидишь...

– Насмотришься на нее и забудь...

– Дурачок! Твой секрет раскроется...

Гном вдруг дернулся, и прощупал карман снова. Нет, на месте, да и фея пока еще рядом. Примерещилось и послышалось, старый стал, впечатлительный...

– И что ты там прячешь? – недовольно спросила фея. – Ну-ка, покажи! Слышишь?

Гном покачал головой. Нет! Не возможно! Она не должна... Но фея уже протянула руку к карману – секунда и догадается, а тогда...

– Нет! – решительно выдохнул Рыжий и неожиданно для самого себя потянулся к губам феи.

Она вздрогнула, пальцы запутались в волосах Рыжего, но едва стон пронзил тишину, потянули с силой, наказывая за блажь.

– Мразь! – отчеканила, сплевывая в отвращении. – Карлик! Пустое место!

– Поверь, я... – пытался все объяснить гном, хотя слова от него разбегались.

– Ты смеешь со мной еще спорить? – возмутилась фея. – Сотру! Весь род, по седьмое колено! Всех тех, кто шептал в подземелье обо мне дикие сплетни!

А такие слова даже он не спустит, потому что их не бросают на ветер.

– Не сможешь, – прервал ее Рыжий и чтобы смотреться на равных, опять взобрался на табуретку. – Ты на моей территории!

Усмехнулась фея.

– Ну что же, – прищурилась в предвкушении. – Не я, так другой за меня заступится. Как думаешь, что скажет Аид о развороте своих маленьких подданных? А? Опишу ему поцелуй твой в подробностях – пусть посмеется! Со смехом он проще на убийство решается.

Прокрутив на безымянном пальце перстень из золотой пылицы, фея исчезла.

Вот и сбылись предчувствия, вот все и случилось...

Но менять, даже если бы мог, ничего не хотел. Поцелуй... Ее поцелуй... И ее тайна осталась с ним... Мастером истины, говорящим с камнями... Последним из своего рода...

Но не страшно...

Дождался наступления сумерек и чтобы не подставлять ни в чем неповинных товарищей, уверенно поднялся из гномьего царства. Сел у озера, чтобы к звездам поближе, и улыбкой без слов прощался...

А фея Недовольства тем временем сама не своя по коридорам замка Повелителя блуждала. Что-то сломалось в ней после поцелуя гнома, треснуло, и больно стало дышать, неприятно. Когда у трона Аида сидела, разрешение на убийство выпрашивая, когда в ложе его пойти согласилась, недовольство не отпускало. Недовольство ли? Взгляд Персефоны кнутом обжег, объятия Аида клубок змей напомнили, но в теле ее поселилось нечто, что грызло и давило сильнее совести.

Совести?

Странные мысли для феи, жуткие...

Просил Аид на всю ночь остаться – ушла. В другой раз – отмахнулась. Солгала с легкостью. Но не будет другого раза, не хочется... Быть может, виной тому обида на Рыжего. Накажет его – успокоится?

И нечего медлить. Сегодня же!

Выходя из покоев Повелителя, с Персефой столкнулась. Неприятный разговор, злости много, потому почти все слова мимо прошли, только несколько фраз в память врезались...

– Зря я верила, что найдешь свое – успокоишься. Мечешься, переходишь дорогу другим, не задумываясь. А свое в грязь втоптываешь, – выговаривала с достоинством Персефона. Да только что фее Недовольства чужое мнение? Хоть хорошее, хоть плохое не радовало.

– Чего от меня ждешь? – рассмеялась в лицо сопернице. – Покаяния?

– Пустота не стоит моего ожидания.

Странные речи, колкие, но вряд ли значимые. Так, обычная женская ревность. Но сомнения все же закрались, больно уж слова... человеческие...

Не идти, что ли, к гному? Ну его?

Спрятаться хотелось, забиться в угол, но месть требовала насыщения. И вот один коридор подземелья вторым сменился – вот и царство гномов, вот комната... Но в ней Рыжего не было. Потухла и свеча, что уродство его отражала...

Другие гномы топтались у входа.

Другие.

– Нет причин тебе здесь задерживаться, – возмутился один из них и пальчиком пренебрежительно тыкнул, в точь как она себе с Рыжим дозволила. – Заказ твой давно выполнен, а боле ногой не ступай к нам. У нас ходоки свои при Аиде, через ремесло да знания привечаемые, а не через простыни.

Но фея пропустила обидное мимо ушей, только одно взволновало ее равнодушие. Заказ выполнен? Но ведь...

– Никогда жалость гномам к лицу не была, – перебил один из смешных карликов. – И другие чувства для нас лишние. Все о броши своей печешься, о гордости, а того, кто о тебе пекся, на смерть отправила. Прокляты будут твои крылья, волшебная пыльца истощится, недовольство с лица сойдет, внутренний взор откроется, одумаешься, но поздно будет. Поздно и навсегда. Проклята!

– Проклята! – повторили другие гномы.

– Проклята! – отразило эхо.

Почувствовала фея, как крылья замерли, и мертвыми на спину опустились. Увидела, как перстень из волшебной пылицы песком обернулся и осыпался. Хотела закричать, вырваться, но жестокость слов в душу врезалась, пуще веревок связывая. Душу... Странно все это. Непривычно. Больно. И не заслужено. Был бы он здесь, заступился – мелькнула мысль.

Только кто он?

И тут же увидела... Маленький человечек на берегу озера, смотрит на воду, не шевелясь, словно и не живой вовсе.

Вздох услышала тягостный.

– Рыжий! – окликнула.

Осмотрелся гном, еще раз вздохнул и что-то достал из кармана потертого смокинга.

– Это то, из чего твое сердце, – прошептал проклявший ее гном и вышел.

– Это то, за что ты его сгубила, – прошептал второй и ушел во след первому.

– Это ты и есть. Холодная, острая и уже без чужих для тебя крыльев, – хохотнули другие и оставили фею одну с миражами.

А она смотрела на гнома у озера, на рассвет, подступающий к его огненной шевелюре, и плакала, и рыдала навзрыд, и не верила, что все кончено, потому что как раз сейчас она начинает жить, а он...

– Никогда не узнаешь, любимая, – прошептал гном. – Никогда не увидишь свое настоящее отражение.

И забросил булыжник в озеро. Тихо, пусто, и круги развеялись вместе с криком сожженного гнома.

Брошь из камня, который ее отразить сумеет...

На груди, рядом с сердцем...

Проклята...

Нет, соврали гномы, соврали...

Не сейчас проклята, не сегодня, и не за невинную смерть Рыжего. Проклята до рождения, потому как сердца не было. Лишь булыжник. Такой же, как покоится в озере.

Выполнил свой заказ Рыжий.

Настоящий мастер, последний из говорящих с камнями.

Поднялась фея с колен – и когда опустилась – не ясно? И пошла вдоль пустых коридоров подземных, под шепот маленьких жителей. И болело в груди так, будто она потеряла что-то безумно важное и будто в груди билось разбуженное сердце, последний подарок Рыжего...

– А в каждой сказке должен быть намек – добрым молодцам урок? – спрашивает Егор, когда я умолкаю.

– В хороших – наверное, а в моих – как выйдет.

Егор поднимается с кресла, садится на кровать рядом со мной и говорит совершенно потрясающие вещи для каждого автора:

– Мне понравилась сказка. И я понял, о ком был намек. Каждый может ошибиться – это об Аиде и злых словах феи к Рыжему. Когда любишь, способен на все – это про гнома. И даже если сердце приносит боль, это все равно лучше, чем когда оно застывает булыжником. Вот только...

– Что?

– Вот только не думаю я, что твоя фея заслуживает такой жертвы.

– Гном считал по-другому, – усмехаюсь.

– Я сейчас образно говорю, – отмахивается мальчишка. – Это же сказка-перевертыш. Ты – гном, а Яр – фея. Специально написано так, чтобы меньше кто догадался. Вот я и говорю, что вряд ли твоя фея... заслуживает такой жертвы.

Я хочу расспросить его, хочу, чтобы успокоил мои смутные подозрения, но в коридоре слышатся шаги, и я узнаю этот мерзкий голос, который приближается к комнате.

– Блин, – сокрушается Егор, – значит, мне вчера не послышалось... мама приехала...

При этом говорит тоном, будто приехал зубной врач. Но я, честно говоря, тоже морщусь и запираю поспешно дверь. Сплю я, сплю, разве непонятно?

Правда, возмущение за дверью столь громкое, что сон при таком ультразвуке противопоказан, но мы с Егором затыкаем уши и по тихому сматываемся на балкончик, переждать. А пока там сидим, он уговаривает меня взять его с собой в салон и напоить сладкой газировкой, потому что у него есть план, как не попасть на глаза его маме.

Рискованный план, я же скалолазанием не занималась, но лесенка, которую спускает из своей комнаты Егор, кажется надежной, а внизу нас уже встречает Макар. Да и второй этаж всего! Я решительно перекидываю одну ногу через бортик и... правильно... по закону подлости слышу снизу громкий изумленный голос свекрови.

– Ах! Посмотрите на нее! Она хочет покончить жизнь самоубийством, а мой сын скажет, что это я ее толкнула! Ах! Она хочет нас с ним посорить!

Егор присел и хихикает на балконе, изо всех сил стараясь себя не выдать. Я вишу с одной ногой под взглядом сбежавшейся охраны, они суетятся, кажется, как и свекровь, не замечая лесенку. И в этот момент изматывающий вой прерывает звонок моего мобильного.

– Тихо! – кричу я вниз. – Муж звонит!

Свекровь что-то там возмущается, но я угрожаю, что действительно навру Яру будто меня спихивают с балкона и все молча, изредка повизгивая соло, ждут, пока я наворкуюсь.

– Все! – так же решительно убираю ногу с лесенки, подтягиваю лесенку ее на балкон – еще пригодится. Машу рукой зрителям, в том числе и тем, что в шляпе-торшере алого цвета. – Мне пора! Макар, заводи машину! Не будем заставлять Ярослава Владимировича ждать! – заявляю строго.

И величаво покидаю сцену, а потом подхватываю сумочку и несусь по лестнице, а за мной галопом бежит Егор, чтобы успеть к машине, пока к ней не подобралась дама-торшер.

Запахавшись, вваливаемся в салон машины и смеемся, наблюдая в заднее стекло, как машет нам раскачивающаяся на ветру шляпа.

Первый день военных действий, а я уже подустала. Интересно, в этой войне подразумевается плен для отдохнуть или только один вариант – насмерть?

Глава № 9

– Макар, я вот что подумала...

Водитель бросил удивленный взгляд в зеркало заднего вида, и снова переключается на дорогу. Наверное, это неправильно, общаться запросто с теми, кто на тебя работает, но я не чувствую себя хозяйкой, пани и все такое, поэтому если и нарушаю какие-то приличия, то не сознательно. Да и вообще, не родственникам моего мужа судить о приличиях.

– Ты ведь был личным водителем Ярослава Владимировича? – продолжаю. – Почему он приставил тебя ко мне?

– Вы против?

– Да нет, просто подумала... обычно привыкаешь, срабатываешься...

– У шефа нет привыкания к своим служащим.

Ответ, вполне объясняющий, и все же...

– На него работает четыре водителя, – после паузы поясняет Макар, – двое только при шефе, один из них – я. Сейчас его возит Савелий, раньше мы сменяли друг друга. Когда шеф посчитает нужным, снова сделает рокировку. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, спасибо.

И мы едем дальше. Егор делает вид, что поглощен видами летнего города за окном, я – разглядыванием своих ногтей. Кстати, может, маникюр сделать, раз уж буду в салоне? Я бы хотела наращенные, они выглядят так элегантно, но с ними ручкой писать неудобно, да и что-либо делать по дому не выйдет. Хотя последнее мне вряд ли грозит. Я вообще после свадьбы превратилась в хрупкую бесполезную вазу. Пыль сдувают, любуются ею, передвигают с места на место, но так дорого и так непривычно видеть ее, что даже цветы не ставят.

Н-да...

Егор просовывает свою руку под мою, не поворачиваясь. Услышал мой вздох, что ли, и таким образом выражает поддержку? Никак не пойму этих львов. По-хорошему с ними – норвят откусить палец, оскалишься – ласться как безобидные котики. Между тем, машина останавливается у салона, рядом с другими поблескивающими солнечными лучами, авто. Водитель остается, а мы с Егором заходим внутрь, в прохладу кондиционеров, жужжание фенов и стойкий аромат ацетона.

Мальчишка тут же затыкает пальцами нос и предлагает начать визит с газировки. Я машу рукой, мол, обязательно, но позже, а сама ищу глазами подругу и Яра. Улыбчивая девушка – парикмахер говорит, что они в кабинете обсуждают деловые вопросы и показывает рукой направление. Улыбается искренне, а не потому, что я – жена хозяина, а может, мне только кажется.

Лариса и Яр не слишком радуются, что их прервали, хотя муж искупает первое впечатление поцелуем. Не хочется от него отрываться, но с нами ребенок, очень любопытный ребенок, застывший с открытым ртом, так что...

– Как тебя встретили? – спрашивает подруга.

– Приветливо, – отвечаю честно.

Может, это и ее работа, но я думаю, подсутился Яр, и еще свое дело сделало увольнение не ретивой администраторши. К тому же, на мне короткое белое платье от Андре Тан, в нем и простушка будет выглядеть дорого и стильно. Безупречное платье, единственное, для чего оно не подходит – лазания по балконам.

Но подруга у меня без комплексов, принимает похвалу на свой счет и расплывается в улыбке по оба уха. Она даже ласково пытается потрепать волосы Егора и едва успевает одернуть руку до щелчка зубов.

– Какой... – на ее лице можно прочесть кучу эпитетов, кроме того, который она озвучивает, – ...милый мальчик.

Милый мальчик клацает зубами еще раз, и подруга переключается на меня.

– Хорошо выглядишь.

– А ты просто великолепна.

На ней брюки со стрелками, красная блуза и коротенькая безрукавка – вот умеет найти на нашей толкучке вещи, созданные именно для нее. Это дар. Я же обычно ходила часами между рядами, а в итоге покупала то, что носили все.

– Мы вас отвлекли, да? – надеюсь, что начнут уверять, как они рады нашему приезду и что ничуть-то мы их не отвлекаем, и вообще... Но если Яр и хотел смягчить ответ, подруга его опередила вовсе не изысканной прямоотой.

– Немного есть, – мнется она. – Мы, понимаешь, только подошли к самому главному... А может, кое-кому подстричься?

Егор пятится к двери, бросая на меня взгляды, как на предателя.

– Да нет, – говорю я, и повернув ручку, выпуская его на волю, – ему и так красиво. Лучше я маникюр сделаю. У вас какие сегодня скидки?

– У тебя зеленая карта, – улыбается Яр, и ничуть не сопротивляется, когда мы с его братцем уходим.

Повздыхав, что наращенные ногти мне не светят, выбираю французский маникюр. Егор выхаживает по салону, заглядывая в лица клиенток, рассматривает расчески стилистов и пробует на своих ногтях все оттенки лаков. Маникюрша дает ему жидкость для снятия, но, понюхав колпачок, он отшатырывается так, что едва не наворачивается со стула.

– Если моя жена будет этим... пахнуть, – кривится, – я с ней разведусь!

– Если ты будешь так красить ногти, – киваю на его пальцы, – твоя жена сама подаст на развод.

Корчит недовольную рожицу – типа, как это? Со мной, отпрыском семьи Самарских, и разведется?

Лак подсыхает, а Яр и Лариса все еще в кабинете – так что мы с Егором предоставлены сами себе. Помню предупреждение мужа, что ничего нельзя есть вне дома, но надеюсь, продавица газировки не числилась у него в любовницах.

Берем с Егором по большому стаканчику клубнично-бананового, усаживаемся на единственную уцелевшую лавочку неподалеку от салона и сидим, потягиваем и мурлычем время от времени. Кое-кто явно переоценил свои силы и уже не пьет, а булькает через трубочку. Все равно хорошо!

– Я вот думаю...

О, смотрю, мои фразы закрепляются в речи Самарских.

– Ну-ну? – беру кое-что из их арсенала.

– Как-то ты не очень похожа на провинциалку. Я имею в виду не внешне, потому что помню в какой одежде ты поначалу расхаживала... Но вот понимаешь...

– Пока не совсем.

– Для чего провинциалы приезжают? На заработки, верно? Вот если ты для этого приехала, как-то оно не сходится. Лежишь, пишешь, денег у моего брата не берешь на расходы, а ведь твои сбережения наверняка не растут. Вкладов-то нет?

– Хороший вопрос. Дай и я теперь подумаю.

И, действительно, начинаю анализировать ситуацию, возможно, впервые за последний год. Я приехала сюда вовсе не потому, что Лариса уже была здесь. Скорее, ее присутствие просто сыграло на руку. У нее квартира, одна из комнат была предложена мне по низкой цене, но даже если бы ничего этого и не было, я бы все равно приехала. У нас в городке с работой

напряженно, но я здесь не из-за заработка. Я здесь живу. Так, как если бы жила у себя. За маленьким исключением, что родилась в другом месте, я – житель этого города.

Егор кивает, когда делюсь своими размышлениями, вроде бы да, понял, но ставит в тупик следующим вопросом:

– А почему ты ничего не делаешь?

И вот здесь я теряюсь, и газировка кажется горькой. Мои сомнения созвучны мыслям мальчика, он прав, за несколько дней я превратилась в паразитирующее существо... Я ничего не делаю... ничего...

И вдруг такой поток вдохновения и сил нахлынул сквозь горечь, что захотелось сорваться с лавки и побежать и начать делать, и прямо сейчас...

– Слушай, – поворачиваюсь к Плохишу, и он в моих глазах трансформируется в мальчишка-Кибальчища, героя. – А ты прав. Как-то свадьба выбила меня из строя, плыву, куда вынесет, а ведь передо мной открылись такие возможности!

– Какие?

– Да все! – восклицаю в азарте. – За квартиру платить не надо, за еду тоже, одежда твоими стараниями обновилась, муж с работы уволил. В итоге у меня не болит голова о насущном и куча свободного времени, чтобы заняться тем, о чем я мечтала!

– Писать сказки? – тянет уныло, но кажется, погрузился не от перспективы, что число моих сказок вырастет, а после намек о барбекю из моих сумок.

– Не только. В институте я пробовала себя в качестве копирайтера, ну статьи на заказ для сайтов – денег заплатили немного, но мне сама работа понравилась! Я на форуме копирайтеров зависала, говорят, со временем, можно вполне прилично начать зарабатывать. А если повезет устроиться в рекламное агентство...

– У Ярослава есть, – говорит мальчик.

– Что есть?

– Есть одно рекламное агентство, – усмехается. – Но вряд ли он возьмет тебя к себе на работу.

Я помню, муж недвусмысленно дал понять, что не рассмотрит мое резюме по блату, но я в его компанию пока и не мечу. Мне бы потренироваться на кошках, а уже потом приближаться к львам.

– А ты сказки куда-нибудь пристраиваешь?

– Да куда их возьмут?!

– Давай поспорим, что вот эту, про гнома, я сумею пристроить?

Смотрю на него, как на сокровище, и почти уже говорю "да", но вовремя интересуюсь, а что взамен? Не зря, кстати, потому что у Егора таки имеется условие.

– А взамен ты забываешь о смерти своих сумок.

Все-таки, задела его та ситуация, но ведь и меня тоже.

– Хм... давай так: не напоминаю.

– Хм... – копирует, – тогда я пристраиваю сказку на своих условиях.

– Каких это?

– Гонорар на двоих, не волнуйся.

– Какие условия?

– Сказка выйдет под моим именем! – смотрит так, словно подначивает начать драку. А я как представила, что скажет свекровь, увидев фамилию сына в желтой прессе, что не могу, задыхаюсь от смеха.

– Идет!

Мы ударяем по рукам.

– Мне только ноут надо купить, – бормочу под нос.

– Конечно, не буду же я слюнявить конверт и отправлять его с твоими каракулями? Прошлый век какой-то! – поддерживает Егор.

Довольные удачной сделкой, пьем газировку, посматривая на двери салона. Вот чудо случается и выходит Яр, осматривается, видимо, в поисках нас. Машу рукой, но он уже и сам замечает. Присаживается на корточки напротив и смотрит в недоумении на наши полупустые стаканчики.

– Садись, – говорю я, пододвигаясь на лавке.

– Там пыльно, – отказывается.

– Да я уже там стерла платъем, – успокаиваю.

На самом деле, я ведь в белом, так что не протерев лавку, не села бы. Это я так, подшутить и посмотреть на реакцию. Но Яр спокойно присаживается рядом.

– Тебе купить газировки? – спрашиваю.

– У меня в машине Вин.

И улыбается коварно – поняла или нет о чем речь? Ну видела я эти бутылочки с водой из финских источников, а пробовать и не тянет. Так что тоже реагирую спокойно.

– Купи жене ноутбук – Слова Егора застают нас обоих врасплох, но Яр справляется мгновенно.

– Хорошо, – соглашается, и даже не спрашивает зачем он мне.

Я пытаюсь сказать, что сама в состоянии купить, но муж категоричен.

– Нет, Злата, куплю я. К тому же, это я заставил тебя уволиться из агентства...

– Да я бы вскорости сама ушла, – признаюсь честно, но он говорит, что это неважно. Неважно что бы было и как. Он настоял – я ушла, это главное, и вообще муж должен содержать семью. От осознания и подчеркивания, что мы теперь "семья", становится не до споров.

– Лариса справляется? – перевожу разговор на другую тему.

– Нет, – усмехается Яр, – но она не без способностей, научится.

Замечает яркие ногти Егора и какое-то время молчит, видимо, в легком шоке. Бросает взгляд на мои, и облегченно выдыхает.

– Я хотела наращенные, – пожимаю плечами, – но с ними не очень удобно.

– Не надо тебе эти паучьи лапки. Так противно, когда... в общем, твои мне очень нравятся.

Галантно целует мои пальчики, Егор галантно пялится в сторону на мороженицу, а я галантно не выпрашиваю, как звали паучиху моего мужа, или сколько их было.

Яр посматривает на часы и я понимаю, что мы с Егором засиделись на лавочке.

– Ты домой? – спрашиваю с мизерной надеждой.

– Нет, у меня еще работа.

Я мгновенно скисаю, несмотря на обещанный ноутбук и свои наполеоновские планы.

– Вечером у нас гости, – говорит Яр со вздохом.

– Дай догадаюсь, – говорю я. – Мои новые мама и папа?

Егор прыскает смехом за моей спиной, потом получает от брата купюру и убегает к вожденной мороженице.

– Увы, – пожимает плечами Яр. – Придется нам это выдержать. Готова ко второй встрече? Если я хорошо знаю маму, думается, она обещает затмить первую.

– Уже!

Яр складывает на груди руки, приготовившись слушать, а я пока раздумываю, как описать свое свисание с балкона, чтобы не нарваться на выговор, и заодно рассматриваю своего супруга. Мне кажется или он похорошел после свадьбы? И волосы его не блестели таким золотым солнцем. И губы не были слегка припухшими и откровенно приглашающими путника к пиру. И глаза... глаза не пожирали с таким аппетитом... И брюки не облегли ноги так плотно,

привлекая взгляд... И запонки на рубашке не сверкали игриво... И ворот не был так искушающе расстегнут...

– Ты здесь? – усмехается Яр, возвращая меня на землю.

– Замечталась, – говорю я.

– Я тоже, – говорит Яр. – Но с нами ребенок.

Вздыхаем синхронно, и так же удивляемся, одновременно, получив по огромной фруктовой спирали.

– Эм... спасибо, – Яр рассматривает мороженое, словно только что с ним познакомился. После того, как мы с Егором принимаемся за свое, тоже откусывает, и уплетает довольно быстро, первым добравшись до палочки. Я рассказываю о странствиях по балкону, но Яр, кажется, поверил только в огромную шляпу мамы.

– Я все, – выбрасывает палочку в урну.

– Мы тоже.

Награждаем победителя поцелуями в щеку – я, промахнувшись, попадаю в уголок губ, – и разъезжаемся в разные стороны.

Собственно, в какую сторону направится Яр, я точно не знаю, у него ведь несколько предприятий, и даже рекламное агентство, как оказалось... Нет, глупо надеяться, что он пристроит меня туда... По каким-то причинам он видит меня только в домашних условиях, но когда у меня появится бук, виртуально откроется целый мир в четырех стенах. Не потеряться бы там, я и так в сказочных странах витаю периодически.

Надеюсь, найдут если что...

И еще надеюсь, муж приедет раньше гостей, потому что одна я могу присесть ненароком на чью-то шляпу или передать вместо соли перечницу или чихнуть кому-нибудь в суп... Если ему дорога мама, приедет первым, успокаиваю себя.

И вот мы приезжаем домой, выходим из машины, Егор открывает дверь, и... мы оба застываем на пороге.

– Ма...мм...ма, – выдавливает мальчишка, заметив несущуюся в шлейфе духов, алую шляпу.

Мои надежды на приезд Яра для моральной поддержки рушатся, когда доходит, что свекровь приехав спозаранку, никуда и не уезжала.

– Пожалуй, я сама выберу себе ноут! – придумываю, как скоротать время без шляповредительства.

– Я помогу тебе выбрать антивирусник! – подхватывает Егор и сматывает следом, после первого материнского поцелуя в щеку.

– Я знал, что не надо загонять машину в гараж, – невозмутимо говорит водитель, и только выехав за ворота, мы облегченно выдыхаем. Все трое. Я раздумываю звонить Яру или нет, но Егор убеждает сделать звонок. Кстати, вовремя, потому что новенький ноутбук приобретен и будет доставлен в течение часа домой.

– А антивирусник?! – подсказывает Егор, которому как и мне, не хочется возвращаться.

– В ноутбук загрузили все, что тебе может понадобиться, – отвечает Яр, – и все настроили.

Я цветисто благодарю мужа, говорю, какой он у меня умница, отключаюсь, и мы вместе с Егором решаем, что у нас же еще целый час есть! Мы катаемся на коньках в крупном торговом центре, а потом нехотя возвращаемся в машину.

– С ветерком или не спешить? – понимающе уточняет Макар.

– Ноутбук надо спасать, – говорю я, и машина послушно ускоряется.

Ну а кто знает мою свекровь? Егор и Яр знают, и то от нее не в восторге. А здесь такая радость – доставят нотубук, пока меня нет, и что она сделает для любимой невестки? Как

минимум наградит мой ноут вирусом или залезет на порносайт, чтобы потом продемонстрировать скриншот моему мужу.

Нет уж.

Приезжаем одновременно со службой доставки. Молодой человек, улыбочивый и в костюме, – никогда не видела сотрудников доставки в костюмах, – настаивает на том, чтобы показать мне, как все работает. Я не отказываюсь – это возможность избежать поцелуев свекрови, и мы бодренько вышагиваем в мою комнату. Егор, как свидетель моего правильного поведения при постороннем мужчине в доме, не отстаёт.

Ноут не слишком большой, и удивительно легкий, на коленях держать не тяжело, если что, клавиши удобные, как на компе. Подтверждаю, что все работает, в том числе и вай-фай и какое-то время просто люблюсь им, даже не прикасаясь. Идиллия нарушается громкими шагами за дверью и голосом свекрови, когда дверь, собственно, поддается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.